

КНИГА IV

ВЕРНОСТЬ

ОТКРОВЕНИЯ О...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стася Андриевская

18+

Стася Андриевская
«Откровения о...»
Книга 4. Верность
Серия «Откровения о...», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099498
SelfPub; 2022*

Аннотация

Заключительная часть цикла "Откровения о..." в которой герои обретут наконец долгожданное счастье. Все загадки будут разгаданы, события разведены по своим местам. Здесь вы найдёте и любовь длиною в целую жизнь, и страсть, и верность, а также интриги и расследования, эмоции на разрыв... и долгое-долгое послевкусие счастливой встречи с хорошими друзьями, какими для вас, несомненно, станут герои "Откровений о..."

Цикл "Откровения о..." – это четыре тома эмоций на разрыв, сложных характеров и предельной откровенности. Это любовь и предательство, роковые ошибки и искупление. Взлёты, падения и тернистый путь к счастью длиною в пятнадцать лет. Просто начните его читать, и вы не сможете оторваться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	77
Глава 8	89
Глава 9	102
Глава 10	110
Глава 11	123
Глава 12	136
Глава 13	151
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Стася Андриевская

"Откровения о..."

Книга 4. Верность

*Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год и два, и всю жизнь, наверно!*

*Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо...*

© Эдуард Асадов – «Я могу тебя очень
ждать» (отрывок)

Данное произведение охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и объёме без письменного разрешения правообладателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Декабрь 2010 года.

– Погоди, погоди... – Олег прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, что слышит один только он. Я затаилась, с наслаждением чувствуя, как кожу осыпает мурашками – пальцами правой руки, он «играл» на моём голом животе какой-то сложный перебор. – Ну-ка, где там моя благоверная?

Я, придерживая на груди одеяло, порхнула к креслу возле приоткрытой балконной двери, и, пару секунд повоевав с парусящей на сквозняке шторой, подхватила-таки гитару. Метнулась обратно.

Олег принял её, привычно скользнул по чёрным матовым, словно бы бархатным изгибам руками, и, прижав струны у основания грифа, небрежно протянул кисть вверх, отчего гитара сладострастно всхлипнула. Да я и сама с трудом удержалась. На это можно было смотреть часами – как гибкие длинные пальцы овладевают вмиг оживающим куском дерева. То невесомые, а то уверенные и даже жёсткие, казалось, они бегают не по ладам, а по самым сокровенным точкам моего тела, бесстыдно дразня, вызывая моментальный отклик и желание оказаться на месте счастливой соперницы.

Да именно так. Олег называл гитару женой, и действительно, когда я смотрела, как он её ласкает – понимала, что у

меня нет против неё ни единого шанса, и моё место навеки лишь в любовницах. Но это не была ревность – скорее магия. Та самая, что свела меня с ума с первого взгляда, с первого аккорда. А ведь у Олега, помимо трепетных красивых рук с массивным перстнем со вставкой из чёрного оникса на мизинце, был ещё и вынимающий душу голос – густой, с бархатной хрипотцой и раскатистыми, мужественными согласными, что резонировали в самой глубине моего сердца:

– Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому!

И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

И чтоб, прошлое не любя¹

Замолчал вдруг, резко заглушив струны ладонью и, заглянув в мои глаза, перешёл на проникновенный шёпот:

– Чтоб ты уйти не смогла к другому, Мила!

Может я такая дурочка, а может, сказывалась оторванность от Родины и корней, но когда Олег пел только для меня, так мастерски копируя манеру Высоцкого, я словно умираю и тут же рождалась вновь. И каждый раз казалось – вот она жизнь! Настоящая! Вот она – настоящая Любовь. Пусть урывками и без будущего, но вся, какая есть, – моя!

Вот и теперь, я улыбалась и смотрела в его блядские голубые глаза довольного котяры, а Олег, отложив гитару, потянул меня на себя:

– Ты моя муза, Мила! Всё лучшее, что я когда-нибудь написал – всё это ода твоей красоте, детка!

Я поддалась влечению его рук, упала на поросшую русыми волосами грудь.

– Мм! Так это твои стихи? – Прекрасно понимая, что на самом деле речь идёт о музыке, хотела просто пошутить, но Олег, вдруг ответил утвердительно, и моя очарованность моментом тут же дала отрезвляющую трещину. Я с трудом сдержала усмешку. – Ого... И давно написал?

– Ну... Можно сказать, только что. Тебе нравится?

– Очень, – улыбнулась я и, выбравшись из его объятий,

¹ Сергей Есенин. «Заметался пожар голубой» (отрывок)

свесилась с кровати, отыскивая сброшенное в порыве безумия бельё.

Вообще, на мой взгляд, Олег был гениальным музыкантом. Виртуозно играл на фортепиано и на гитаре, сходу сочинял свои стихи и перекладывал на музыку чужие, мастерски владел голосом, умел петь в совершенно разных манерах, начиная от разбитного Высоцкого, включая классические цыганские романсы и заканчивая попсовыми хитами, вроде Джоржа Майкла. Но насколько талантлив был Олег в музыке, настолько же и склонен к самолюбованию по жизни, и иногда кроме себя любимого не видел больше ничего вокруг. Тогда создавалось ощущение, что он погружается в свой выдуманный мир и живёт в нём, принимая желаемое за действительное.

Вот как в этот раз, например. Какая ерунда – взять и присвоить стих Есенина, правда? И даже не понятно чего тут больше – уверенности в собственной исключительности или в моей недалёкости. Впрочем, если бы я ещё в самый первый раз уличив его в подобной лжи, дала бы понять, что всё знаю – он, возможно больше бы так и не делал. Но я закрывала глаза, потакала ему, как маленькому мальчику, который играет в великого артиста. Иногда это раздражало, но чаще – давало мне своеобразную власть над ним. И это было важно. Как компенсация моей собственной зависимости от него. Я ведь, если честно, тоже была маленькой девочкой, которая играла в принцессу, покорившую сердце самого прекрасно-

го и вожделенного в округе принца.

Олег встал с кровати, как был голый прошёлся по комнате, собирая шмотки. Поднял, кинул мне лифчик, и сам тут же запрыгал на одной ноге, натягивая трусы. А я просто смотрела на него, и в который раз отмечала про себя, что ничего ведь особенного. Даже больше того – НЕ ТО.

Мой внутренний индикатор красоты мужского тела молчал – я не хотела бы нарисовать Олега обнажённым. Ничего. Не вдохновлял. Отсутствие физической нагрузки сказывалось сглаженными линиями мышц и слегка сутуловатой осанкой. Нет, природа его не обидела, дала и хороший плечистый скелет, и красивые жилистые руки, и очень даже симпатичное лицо с совершенно необыкновенными голубыми глазами, но... Не то.

Впрочем, я была с ним не за это. И все те фрау, коренные и не очень, которые работали обслугой или просто приходили по вечерам в ресторан русской кухни «Маруся», что находился четырьмя этажами ниже съёмной квартиры Олега, стреляли в него глазками и вождели его внимания – все они тоже делали это не за то, что он был бруталом. Хотя, в каком-то смысле, он, конечно, был альфой. Но его сила заключалась не в мышцах, а в харизме, а это, пожалуй, даже помощнее брутальности, особенно в обществе, где не принято оценивать потенциал человека с точки зрения половой принадлежности и физических данных.

А ещё – он был русский, и это придавало ему какого-то

особого шарма, причём не только в глазах немок, но и в воображении стосковавшихся по Родине бывших русских баб, которых в Гамбурге оказалось неожиданно много.

В комнате было довольно прохладно – на дворе конец декабря, а балкон, по неизменной привычке Олега, приоткрыт. Я зарылась в одеяло и, полусидя, откинувшись на мягкое изголовье кровати. Олег, в одних только наспех натянутых джинсах и с зажатым под мышкой джемпером, стоял посреди комнаты и что-то активно писал в телефоне.

Да, не то. Без гитары или клавиш – никакой. И всё-таки мой. Подсаженный на меня, как на особый наркотик. Впрочем, оба мы с ним подсаженные. Взаимно.

– Кстати, чуть не забыл, я завтра лечу домой, – не отрывая взгляд от телефона, обронил он, и по моей расслабленной задумчивости тут же мазнуло раздражением:

– Но ты же вот, только, две недели назад был?

– Надо. Мать скучает.

– Ну и что ты там будешь делать? Сидеть, держать её за ручку?

– Это моя мать, вообще-то! – всё так же набирая текст, довольно резко ответил он. – Если будет нужно, то и за ручку. А вообще, просто надо помочь кое-что по хозяйству.

Мне стало неловко.

– Да нет, ну я... Если надо, то конечно... – Но вообще сбесило. Причём, я даже не осознавала, что именно. – Я просто не понимаю, а сестра? Она зачем тогда? Не может помочь

или хотя бы нанять кого-то, кто может? Сам же говорил, что все эти поездки – бесполезная трата денег на дорогу и что выгоднее и проще их переводами отправлять?

– У Лики пузо уже на нос лезет, и мелкий вечно болеет, ей не до хозяйства сейчас.

– Угу. А тебе рваться на части – самое то. Замуж её тогда выдай! А то сидит у тебя на шее, вечно беременная, и всё. Даже элементарных вопросов решить не может!

– Мил, да я на неделю всего, – Олег натянул джемпер и, достав из кармана джинсов сигареты, закурил прямо в комнате. – Так что не истери, детка. Лучше удели время мужу, а то мне иногда кажется, что ему после меня ничего не перепадает. Даже совесть мучает. – Подмигнул и с довольной ухмылочкой скрывшись за парусящей от сквознячка шторы, плотно прикрыл за собой балконную дверь.

Я запрокинула голову и зажмурилась. Козёл. Есенин недоделанный, блин.

Два года. Тайные встречи у него на квартире, песни под гитару. Романтика – через край! Таких красивых, страстных слов, какие нащёптывал мне Олег, не говорил больше никто и никогда, тем более Николос. И я с готовностью, прекрасно понимая, что всё услышанное можно поделить надвое, а то и натрое, развешивала уши. Мне просто отчаянно не хватало этого трёпа, я без него увядала, переставала чувствовать себя женщиной – желанной и всё ещё не такой уж и подержанной, несмотря на маячивший в будущем году тридцати-

пятилетний юбилей.

Конечно, у нас с Олегом были не только стихи и песни – был и секс без тормозов. И для здоровья это, надо сказать, то, что доктор прописал! Да и для какого-никакого морального удовольствия тоже. Для физического же, было бы неплохо кончать, а я не могла. Ни с мужем, ни с любовником. Они об этом, ясное дело не знали, и даже напротив, были уверены в своей ого-го какой исключительной способности доводить до оргазма по три-пять раз за один присест... И самое интересное, что что-то менять, искать способы, разговаривать и, фактически, узнавать друг друга в сексе заново – мне и не хотелось. Куда проще догнаться самой. Тем более, как после десяти лет брака сказать мужу, что за всё это время ни разу с ним не кончила? Да и зачем? Несмотря на все сложности в отношениях, Николос по-прежнему был для меня эталонном человека с большой буквы. И последнее, что могло бы прийти мне на ум – это убивать его самооценку. В отличие от Олега, кстати. Этот самовлюблённый волнистый попугайчик сильно рисковал доиграться как-нибудь.

Как только вспомнила о Нике, тут же поняла, что так сильно раздражает меня в этой ситуации с Олегом и его зачавшими в последнее время визитами на родину. Я сама себя раздражаю. Вот эта Я – ни чужая, ни родная, а просто с какого-то хрена лежащая голышом в его кровати, причём, ладно бы ради оргазма, которого не может дать муж, но ведь нет! Просто от тоски. Трясина какая-то, которая затягивает

и затягивает... Видать, зажралась я от хорошей жизни. Хотя психолог говорит, это кризис среднего возраста нагрянул. А я вот думаю – не рановато ли?

Когда Олег вернулся, я уже почти оделась и застёгивала теперь мелкие перламутровые пуговики на чёрной шёлковой блузе. Он подошёл сзади, виновато обнял, удерживая за запястья:

– Ну прости, детка, ляпнул не подумав.

– Ой, да перестань! – небрежно фыркнула я, – мы оба знаем, что любовника лучше, чем ты не существует в природе. Конечно я до тебя голодная! И ревную, конечно! И буду ждать столько, сколько нужно, ты же знаешь. А когда вернёшься, не слезу с тебя, пока не сдохну. – Попыталась отнять свои руки, но он не отдал. Ну вот ещё! Недостаточно сладко пою? Дёрнулась настойчивее: – Олег, мне пора.

– Ты обиделась, я же вижу.

Удивительно, но когда он стоит вот так сзади, сжимая меня в объятиях и шепча на ухо густым баритоном, когда я ловлю исходящий от него терпкий запах табака и парфюма и, закрыв глаза, могу представлять на его месте кого угодно – раздражение отступает, и я снова схожу с ума и заранее скучаю по этим ощущениям. Как же невыносимо хотелось хотя бы иногда быть чьей-то желанной и слегка капризной женщиной, которую пытаются уговорить не дуться!

– Не говори глупости, какие могут быть обиды? Тем более что ты очень точно подметил – я что-то забросила мужа. И

пока тебя не будет, пожалуй, действительно обращаю на него должное внимание.

– Ну вот, – сжимая руки крепче, словно удав кольца, прорычал Олег и резко развернул меня к себе, – теперь я буду ревновать тебя к нему.

Я улыбнулась. Конечно будешь, милый. Ведь это я тебя короновала. Вознесла, обожествила. Ведь тебе же как серпом по яйцам думать, что тоже самое может перепасть от меня кому-то ещё. Я же всё это понимаю, я же сама точно такая же – коронованная тобою.

– А может, рванём со мной? Скажешь, в командировку или, например, дальний родственник умер? Ну? Целую неделю вдвоём. Я такие места тебе покажу! Такую неизведанную Русь-матушку, о какой ты уже и не помнишь!

Началось. Знает ведь, что не поеду, ведь не раз уже говорили об этом, а потому и предлагает уже вот так – смело, красивым жестом с барского плеча.

– А знаешь... Поехали! – прильнула я к нему. – У нас как раз на русское рождество партнёрское участие в выставке современного искусства в Саратове, я могу напроситься куратором, но выехать на две недели раньше открытия, с тобой.

Звнящая тишиной пауза...

– Подожди, а... А муж? Он разве пустит?

Я рассмеялась и, выскользнув из его безвольно повисших рук, застегнула-таки последние пуговицы на блузе.

– Испугался? – оправила юбку-карандаш, накинула жа-

кет. – Не поеду, Олег, знаешь же. Максимум, провожу на самолёт. Всё.

Он небрежно, с заметным облегчением пожал плечами:

– Ну ладно, проводи. Завтра в три вылет. Мил... – попытался снова притянуть меня к себе, но я нетерпеливо сбросила его руку и, дозаплетя косу, вышла в прихожую. Он следом. Подал молочно-белое кашемировое пальто, уткнулся лбом в моё плечо: – Может, спустимся вниз, кофе попьем? Я ж до сих пор не научился тебя отпускать, знаешь же... Душа каждый раз наизнанку, как впервые!

Ну-ну, сладкоголосый, не переигрывай. Не видишь – фрау не в том настроении.

Я неспешно окинула себя взглядом в большом зеркале, подкрасила губы холодным винно-красным и только после этого снизошла до ответа:

– Долгие проводы – лишние слёзы, герр Князев. Завтра к часу подъеду, не бери такси.

Глава 2

Ещё только начинало вечереть, но Рождественская фее-рия уже озолотила улицу бесконечными пока ещё бледными огнями гирлянд и вывесок. А через пару часов город и во-все превратится в сказку! Откуда-то пряно тянуло корицей и свежей выпечкой, и тут же – поджаренными на открытом огне сосисками. Под козырьками торговых лавок перезвяки-вались на ветру колокольчики и гомонили вездесущие, веч-но радостные туристы, даже не замечающие, как со стороны моря медленно наползает липкий туман, от которого всё тут же становится влажным и холодным. Зябко. Жутко захоте-лось горячего глинтвейна.

Не любила я слякотные местные зимы, особенно декабрь, который каждый раз словно мстил серостью и промозгло-стью за поистине золотую осень. Через два дня католическое Рождество, а снега до сих пор не было, только ледяные до-жди по ночам, а днём – холодный влажный ветер с моря. На-до будет на Новый год рвануть в Альпы. Хотя бы на пару де-нёчков. Не ради лыж, на которые я так и не встала, а просто поскрипеть снегом под ногами. И тайком сгрызть какую-ни-будь самую настоящую уличную сосульку. Как в детстве.

Чем, помимо живой музыки от маэстро «Олека Кнёзе-фа» – как называли моего сладкоречивого любовника нем-цы, мне нравился русский ресторан «Маруся» – так это плат-

ной парковкой прямо перед входом. На пресыщенной магазинчиками, кафешками и ночными клубами улице это была настоящая роскошь! Правда, не всегда везло со свободным местом, но сегодня получилось занять его с первого же раза. Возможно потому, что я приехала к Олегу ещё днём, сразу после того, как отвезла на занятия Алекса.

Вообще, со вчерашнего дня уже начались Рождественские каникулы, но по настоятельной рекомендации психолога Алекс занимался в баскетбольной секции при гимназии, так что тренировки три раза в неделю никто не отменял даже в праздники.

Нет, у Алекса не было проблем с психикой, просто по своему внутреннему возрасту он был старше одноклассников, и ему было скучно с ними, что выражалось в его некоторой обособленности. А если добавить сюда то, что у него с самого детства проявилась выраженная способность к скетчингу², то вышло так, что избегая общения с одноклассниками, Алекс обычно погружался в рисование. И всё бы ничего, если бы не то, *что именно* он рисовал. А рисовал он то, что видел, плюс то, что любил. А любил всё то, что связано с оружием, военной техникой, коммуникациями и военным делом вообще. Вот и получались у него то одноклассницы-снайперши, то одноклассники-артиллеристы, то преподаватели-разведчики в камуфляже... И очень классно, надо сказать получались! Довольно грамотно и по пропорциям,

² Скетчинг – искусство очень быстрого рисунка, метких зарисовок.

и по композиции, с некоторым портретным сходством и изрядной долей фантазии – я, например, была уверена, что он рисует настоящее оружие и обмундирование, а оказалось – сам придумывает, основываясь на конструктиве реально существующего. Ну и разве это плохо?

Я считала, что нет, но психолог из прежней, государственной гимназии, видел в этом повышенный уровень подростковой агрессивности, замешанный на замкнутости и, как следствие, грозящий ребёнку серьёзными отклонениями психики в будущем. И пытался ему помочь. То есть вылечить. Назначал профилактические антидепрессанты, а нас с Николосом исподволь проверял на соответствие «родительской норме», прося заполнить то одну, то другую анкету об отношениях в семье и уровне личной усталости.

Я посмеивалась про себя над беспокойным вездесущим европейским «носом», а Ник ворчал, что это всё дикая русская кровь виновата. И всё бы ничего, но три года назад Алекс в разговоре со мной случайно обмолвился, что психолог спрашивал: а не хотел бы Алекс попробовать пожить в другой семье? В такой, где будут ещё дети-сверстники, а родители меньше работают, уделяя больше времени домашнему общению?

И вот тут-то меня бомбануло! Я сразу же рассказала об этом Нику, и надо отдать ему должное, несмотря на свою глобальную загруженность и ощутимую натянутость наших с ним отношений, он тут же устроил независимую психологи-

ческую экспертизу с участием специалистов такого уровня, что не подкопаешься. Экспертиза показала полную адекватность и Алекса, и нас, его родителей. А после этого Ник тут же перевёл сына в частную гимназию – очень дорогую, но с гибким личностным подходом к ученикам. И фрау Штуль, штатный психолог, выслушав мои откровенные признания в том, что у мальчика в роду по мужской линии были профессиональные военные – такие же упёртые и независимые как Алекс, и, проведя с ним некоторые тесты на профпредрасположенность, согласилась с тем, что, скорее всего, здесь имеет место быть наследственность. Но обратила моё внимание на то, что, несмотря на это, не стоит потакать ребёнку в замкнутости, наоборот – нужно помочь ему развернуться лицом к социуму, и настоятельно посоветовала отдать его в командный спорт. Так Алекс и оказался в баскетболе. И не сказать бы, чтобы он к этому рвался, сам-то он мечтал о боксе, но его высокий рост и дух командного соперничества сыграли добрую службу. Алекс втянулся в тренировки.

Все эти волнения с комиссиями, психологами и сменой гимназии происходили в ту пору, когда ему только исполнилось двенадцать, и сам Алекс был похож на неуклюжего, растерянного щенка, не понимающего в чём его вина – ведь учился-то он на отлично и никого не трогал! Надо сказать, я тогда тоже не отличилась ничем, кроме паники по поводу того, что Алекса могут забрать из семьи. Теперь же, на пороге пятнадцатилетия он не только сильно вытянулся в ро-

сте и, благодаря тренировкам значительно окреп физически, но и стал более гибким в суждениях и приобрёл авторитет в классе. И я была безумно благодарна и Нику, и фрау Штуль за то, что три года назад они проявили настойчивость.

Выглянув через витрину кондитерской лавки на парковку, я нащупала в кармане брелок, пикнула автозапуском. Моя ласточка, белоснежная красавица Honda Accord с дерзкими, наглухо тонированными в зеркальный антрацит стёклами приветливо моргнула раскосыми фарами и фыркнула клубом дыма. Прислушиваясь к возбуждённому щебетанию французских туристов, я дождалась своей очереди, взяла безалкогольный глинтвейн «с собой» и яблоко в карамели для Алекса. Вышла на улицу, достала телефон.

– Сынуль, привет! Я еду?

– Привет, мам. Ты чего-то рано. Мы только закончили.

– Получилось пораньше освободиться. Но ничего, я подожду. Ты голодный? Хочешь печёное яблоко?

– Ну... Лучше сосиску.

Я рассмеялась:

– Ладно. Собирайся, скоро буду.

Попивая глинтвейн, немного прогулялась вверх по улице, купила парочку жареных в капустном листе колбасок, попросила упаковать их в термобокс. Уже отходя от прилавка, услышала вдогонку: «So beautiful baby!». Удивлённо обернулась – кто тут такой смелый? Не то, чтобы я была неприкасаемая – слова мне не скажи, а просто не каждая фрау оста-

лась бы довольна таким вниманием. А некоторые и вовсе оскорбились бы. Это же сексизм, делать незнакомой женщине комплименты! Смех, да и только – я к этой философии так и не привыкла. Мне по-прежнему нравились и комплименты, и мужское внимание.

Смельчак оказался невысоким, чернявым, слегка пучеглазым. Характерным таким – в кожаном полупальто и кепке, в лаковых «крокодиловых» туфлях и с барсеточкой под мышкой. Классика. Как будто на машине времени прилетел. И ничего особого не хотел, просто не удержался, выразил восхищение. Я кокетливо улыбнулась и ответила на родном:

– Спасибо.

Он с готовностью подмигнул:

– А я так и понял, что ты русская.

– Сильно заметно?

– С первого взгляда. Наши женщины самые красивые, а у тебя ещё и коса такая! Ты не Алёнушка, случайно? Иванушке себе не ищешь?

Постепенно смеркалось, огни разгорались всё ярче, толпа гуляющих гомонила всё громче. Предпраздничная атмосфера словно пузырьки шампанского проникала в кровь, поднимала настроение. Я глянула на часы в телефоне – ещё восемь минут в запасе...

Просто стояли и болтали ни о чём. Как я и определила с первого взгляда, Давид оказался армянином. Сам из Крас-

нодара, приехал в Германию с двоюродным братом и дядей покупать машину с рук. Сейчас, вот, спустился из апартаментов за сосисками к ужину. Я посоветовала им сходить лучше в ресторанчик традиционной немецкой кухни, здесь, неподалёку. Он спросил, а как тут вообще живётся, стоит ли переезжать сюда на ПМЖ, я ответила, что не знаю, так как уехала из России почти пятнадцать лет назад и совершенно не представляю как там сейчас. Он как-то непонятно махнул рукой:

– Да по большому счёту, всё так же. Только магазинов больше стало.

В кармане пикинула сигналка, давая знать, что автозапуск, так и не дождавшись меня, отрубился.

– Ладно, Давид, мне пора, – искренне улыбнулась я. – Приятно было поболтать, передавай привет брату и дяде. И счастливо вам доехать домой. И кстати, будет время – обязательно сходите в местный Морской музей, такого больше нигде в мире нету!

– Давай, землячка! – он неожиданно открыл руки для объятия, и я поддалась душевности момента.

Обнялись, как давние знакомые, и я собралась уже идти, как меня неожиданно дернули под локоть и потащили в сторону.

– Так тебе, значит, ехать пора, да? И куда же, интересно? На блядки?

– Землячка, всё нормально? – тут же окликнул меня Да-

вид.

Я махнула ему рукой:

– Да, всё хорошо, спасибо! – и повернулась к Олегу. – Какого хрена происходит?

– Да, вот именно! Какого хрена? Значит, со мной посидеть у тебя времени нет, а с мужиками левыми тискаться – есть, да? Кто это? – мельком глянул на так и не ушедшего, наблюдающего за нами Давида и склонился ближе к моему лицу. – Любовник?

Я не выдержала, рассмеялась:

– Это последний русский, Серёжа! Он меня понимает и жалеет.³ – И выдернув локоть из его пальцев, пошла прочь.

– Какой ещё Серёжа? – не понял тот киношного прикола. Пospешил за мной. А когда дошли до машины, схватил за плечо, вынуждая повернуться к нему: – Нет, погоди, я не понял, ты чего тут устраиваешь? Это месть что ли? Я же сказал: не истери, на неделю всего лечу! На новый год здесь уже буду!

– О Господи, Олег, да хоть на месяц! – вспылила я. Настроение резко поползло вниз. – Хоть на два, понял? Пофиг мне. По-фиг!

Он охренел. Замешкался, соображая как реагировать.

– Так кто это был?

– Да говорю же, последний русский... – снова начала было я, но он вдруг схватил меня за подбородок, с силой сжал

³ Фраза из к/ф «Гардемарины, вперёд!»

пальцы:

– Детка, ты охренела? Бросить меня решила? На хача этого променять?

От неожиданности я попятилась назад, оступилась, но, взмахнув руками, удержала равновесие. В голову ударила кровь. И ярость.

– Руки убрал от меня, сука... – прошипела я сквозь зубы и впечатала ему в грудь бумажный стаканчик с недопитым глинтвейном. По пальцам к запястью тут же потекло ароматное тепло. – И если ещё хоть раз...

Он отпрянул. Нервно стряхнул со своего пижонского пальтишка потёки виноградного сока.

– Ты дура психованная!

– На хренпошёл, урод!

Запрыгнула в машину, бросила на переднее пассажирское бумажный пакет с колбасками и яблоком для Алекса. Потряхивало. Вот чего я так и не смогла преодолеть даже после длительной работы с психологами, так это паники от проявления физического насилия по отношению к себе. Может, это потому, что ни одному из четырёх специалистов я так и не рассказала о том, что пережила в том чёртовом подвале?

Откинула козырёк, глянулась в зеркало: лицо бледное, глаза перепуганные, а на подбородке красные пятна от пальцев Олега. И только теперь почувствовала, что до сих пор больно. В носу тут же засвербело, взгляд затуманился слезами. Лихорадочноправила волосы, постаралась взять

себя в руки. Сунула ключ в зажигание и заметила вдруг насыщенные розовые пятна на молочно-белом рукаве. И тут же, словно это стало последней каплей, меня прорвало. Вцепилась в руль, ткнулась в него лбом и заревела. И вот казалось бы – с чего? Сложно сказать, но не из-за пальто, точно. Просто всё как-то одно к одному. Всё как-то не так и не то.

Глава 3

Двумя годами ранее. Август – ноябрь 2008г.

Пока поднималась в лифте на нужный этаж офис-центра, пыталась унять сердце. Что я ему скажу? Как? А главное – ну согласится он... И что потом?

Да что, что – ничего ужасного! Не я первая, не я последняя. Совесть? К чёрту её! Неужели я не имею права на элементарное уважение?!

А в остальном – моей зарплаты и социальных выплат нам с Алексом вполне хватит на жизнь среднего достатка. Да, ему снова придётся поменять частную гимназию на государственную, но, возможно, это и к лучшему? Тогда можно будет переехать, например, в Дрезден и сразу сориентировать Алекса на поступление в Высшую школу изобразительных искусств. Или в Дрезденский Технический университет – в зависимости от того, куда его окончательно развернёт, к искусству или к инженерии. А если захочет пойти по военному профилю – так и вообще не важно, где именно заканчивать школу.

Но это всё потом, сейчас бы понять, как говорить с Николосом...

Шла по коридору, стараясь не цокать каблуками, чтобы не привлекать к себе внимание, но всё равно ловила вороватые взгляды снующих вокруг клерков. Мужики они и есть

мужики, как бы ни пыталось современное общество уравнивать и обезличить гендерный фактор. И моя ли вина, что местные женщины, в большинстве своём, не считают нужным носить на работу макияж и хоть сколько-нибудь женственную одежду? Нет, они вовсе не «страшные», как я частенько слышала по юности на родине – это всё дурацкий стереотип. Они обыкновенные. Встречаются как несуразные, так и симпатичные, и даже красивые – как везде. Но ведь любую привлекательность можно убить мешковатой, хотя и удобной одеждой, и усреднёнными, грубоватыми манерами. Я же так не хотела. Мне нравилось украшать себя и быть женственной. И я предпочитала перетерпеть день на неудобных каблуках и иметь у себя в студии и в машине сменные балетки на плоском ходу, чем и в пир, и в мир ходить в одних и тех же полуспортивных мокасинах.

У поворота в сектор частного бизнеса невольно замедлила шаг. Решительность стремительно испарялась.

Логистическая компания Трайбера занимала офис похожий на огромную квартиру: за стильными, графитно-серыми раздвижными дверями с золотой вывеской, располагался светлый холл с ресепшн, шесть отдельных кабинетов, большой конференц-зал и не менее просторная приёмная с кабинетом генерального. Здесь меня знали, приветливо салютовали и бросали дежурное «Как дела?», а я кивала и улыбалась в ответ, изо всех сил стараясь унять дрожь в коленях, от которой так и норовили подвернуться щиколотки.

В приёмной сидела Анна. Ну естественно. Кто же ещё? Мы обменялись натянутыми улыбками.

– Я могу пройти? – спросила я.

– Сейчас уточню, – сухо ответила она, и сняла трубку секретора.

Я смотрела, как она хлопает белёсыми ресницами, ожидая, пока Ник ответит, и думала о том, что жизнь странная штука. Когда-то я не знала, как мне соперничать с изысканной Боярской, просто не умела ещё подать себя правильно... А теперь не понимаю, что противопоставить блёклой Анне. Перестать ухаживать за собой, ограничившись базовой гигиеной и модой унисекс?

– Фрау Трайбер, – вывела меня из задумчивости Анна, – герр директор готов вас принять.

Николос сначала закончил подписывать стопку бумаг и только потом поднял взгляд на меня:

– Слушаю.

Ни здравствуй, ни хотя бы дежурного приветственного кивка. А ведь с момента конфликта, глупого какого-то, возникшего на пустом месте, прошла уже неделя. Последние годы мы с ним и так-то больше походили на деловых партнёров, чем на супругов, а теперь и вовсе – на воинствующих конкурентов. Хотя казалось бы, ну причём здесь внешняя политика и наша семья, да?

...Острый кризис начался чуть меньше месяца назад –

спустя несколько дней после того, как вооружённые силы Российской Федерации якобы вторглись на территорию Грузии. Я тогда об этом ещё даже не знала. Не знало и подавляющее большинство граждан Германии. Жизнь просто шла своим чередом, телевидение эту тему не муссировало – по всем каналам тогда в основном обсуждали текущие Олимпийские игры. Да и небо на землю не упало. И только Николос, следящий за геополитикой, стал вдруг вспыльчивым и нетерпимым. Ко мне. Господи, ну какой бред! Как будто это я послала те войска!

Первый раз он вспылил, когда однажды утром я, безо всякой задней мысли, заговорила с Алексом на русском. Кстати, вспылил – это ещё мягко сказано. Ведь это на людях Ник был неизменно очень сдержанным и деликатным, но дома... Мог орать, чеканя и без того грубые немецкие согласные так, что, казалось, стены резонируют. А мог и запустить, не глядя, тем, что попало под руку. Не в меня и не в Алекса, слава богу, но всё равно бывало страшно. В общем, в тот раз он категорически запретил нам с Алексом говорить на русском в его доме. В ЕГО. Это он особенно подчеркнул. Я тогда с трудом сдержала слёзы и, делая вид, что ничего не случилось, просто собрала с пола осколки графина и, вытерев лужу апельсинового сока, тут же приготовила новый. Не знаю, как умудрился доесть свой завтрак Алекс – он так ни разу и не поднял взгляд от тарелки.

Второй раз конфликт произошёл десять дней спустя: Ни-

колос пригласил на домашний ужин важных клиентов из Китая. Такое случалось довольно часто. Я, в качестве радушной хозяйки, провела уже тысячу и один подобный приём и прекрасно знала, что готовить и как сервировать стол, а так же как себя вести, создавая расслабленную, располагающую к доверительному общению обстановку, и в какой момент, подав кофе, исчезнуть.

После ужина Ник обычно вёл гостей к себе в кабинет и уже там завершал дела. Но в этот раз, выходя из гостиной, один из китайцев остановился у большой картины на стене. Это был пейзаж, написанный мною здесь же, в Гамбурге, на одном из уютных закутков озера Альстер, в конце позапрошлой весны. Гость восхитился работой и сказал вдруг, что изображённый вид напоминает ему Россию.

– Это правда, что ваша жена имеет русские корни? – спросил он у Николоса и тот вынуждено улыбнулся в ответ. Тогда китаец повернулся ко мне и выдал на неплохом русском: – Очень хорошо! Знаете, я большой любитель России! Давно, ещё в середине восьмидесятых учился в Москве на переводчика. И если бы при рождении мне дали возможность выбирать, я бы попросил у бога родиться русским!

Это было неожиданно и очень приятно, но, несмотря на то, что китаец дружелюбно улыбался и был явно расположен к общению, я лишь вежливо кивала ему в ответ и старалась не вступать в диалог. Однако в какой-то момент это стало уже неприлично и мне всё же пришлось немножко поболтать

с ним, а потом, сославшись на дела, извиниться и сбежать.

После того, как они уехали, Николос не ругался и не орал. Он просто перебрался в гостевую спальню и перестал не только спать со мной в одной постели, но и разговаривать. Причём коснулось это только меня, с Алексом он вёл себя, как ни в чём не бывало. Это было очень тяжело. Я чувствовала себя ненужной. Лишней. Тем более что Нику, в отличие от меня, было к кому сходить, развеять тоску-печаль, и я об этом знала, хотя и молчала.

И вот, буквально пару часов назад, после недельного, практически полного, изматывающего бойкота со стороны мужа, Алекс обмолвился, что Ник разговаривал с ним об отказе от Российско гражданства в пользу немецкого. Хотя по закону ребёнок имеет право на двойное! И оно, как говорится, карман не тянет! Мало ли как жизнь повернётся? Тем более что Алёшка русский! Русский, и всё тут!

И я не выдержала. Кое-как отвела урок и рванула к мужу. Нет больше сил! Хватит!

– Если ты пришла помолчать, это можно было бы сделать и дома, – вывел меня из задумчивости Ник. – Что случилось? Надеюсь, дело не в Алексе?

– Нет, – растерялась я. – То есть да. Николос... Я хочу развод!

Он сцепил руки перед лицом, упёрся в них губами. Задумчивый взгляд заскользил по беспорядочно разбросанным на столе бумагам. Наконец поднял его на меня:

– И в чём же причина?

– Ты смеёшься? Причина в том, что ты меня ненавидишь!

– Ты не права. И я не знаю, что ты себе придумала, но развод не дам.

Я нервно рассмеялась.

– Господи, Ник, я всё-таки жена правозащитника! Немножечко знаю о своих правах, да? Если не дашь ты, даст суд. Всё равно даст! Просто это растянется на три года. Зачем нам это? Тебе зачем?

– Мила, давай поговорим об этом вечером? – неожиданно мягко попросил он. – Ты сейчас на эмоциях, я вижу. Тебе нужно успокоиться. – Глянул на часы. – Давай сделаем так – сейчас у меня совещание, я не могу уделить тебе время. Но обещаю освободиться сегодня пораньше. Если хочешь, сходим куда-нибудь, и там поговорим. Хорошо?

– Нет, Ник. Я не вижу о чём тут говорить, всё и так понятно. Это невыносимо! Ты словно повинность какую-то со мной отбываешь. Зачем? Или, думаешь, я не знаю о твоих отношениях с Анной? Или, думаешь, мне не больно о них знать? Хотя нет, не больно. УЖЕ не больно. Мне просто надоело это всё! Живи с ней открыто, если хочешь, это твоё право, только дай мне развод!

Он опустил голову, и надолго замолчал. А я вдруг испугалась. Если сейчас он начнёт взывать к моей совести, напоминать о том, что сделал для нас с Алексом – мне нечем будет крыть. Он ведь действительно сделал всё, что мог. И только

благодаря ему я сейчас на свободе – со знанием языка, с легальным гражданством и высшим образованием. Но главное – с сыном. Это ли не плата за бесконечное терпение?

– Мила, я не дам тебе развод, – наконец спокойно сказал он.

– Как хочешь! Значит, я подам на него в одностороннем порядке.

Ник кивнул.

– Твоё право, в конечном итоге от меня мало что зависит. Но имей в виду, что Алекс останется со мной. И это даже не обсуждается. Хочешь уйти – уходи одна.

У меня аж в глазах потемнело.

– Николос, ты... Ты не посмеешь!

– Формально, я его настоящий отец, а ты всего лишь моя жена. – Поднял голову, посмотрел на меня жёстко, без тени сочувствия. – Или ты забыла?

– Ник...

Запиликал селектор, Ник нажал кнопку громкой связи.

– До начала совещания три минуты, – напомнила секретарь.

– Хорошо, Анна. Спасибо.

Я невольно усмехнулась. А ведь он даже не дрогнул, когда я призналась, что знаю о них. Может, потому, что давно уже было понятно, что знаю, но терплю? И что? Рассчитывал, что это будет тянуться бесконечно? Ну что ж... Как ни горько признавать, но верно рассчитывал. Вот только не надо было

перегибать палку!

– Николос, очнись, Алекс мой сын! МОЙ! И если понадобится, я буду доказывать это в суде. Генетическую экспертизу не обманешь, и ты прекрасно это понимаешь.

– Извини, тебе пора, – собирая документы на столе в аккуратные стопочки, ответил он. – И давай всё-таки поговорим спокойно. Сегодня я приеду пораньше.

До вечера я передумала всё что могла – вплоть до того, чтобы просто взять Алекса и сбежать. Глупо конечно, сама понимала. Ведь куда я могла увезти ребёнка без визы и согласия отца, кроме, как в одну из стран Евросоюза? Да и увезла бы, а дальше что? Уже на второй день его отсутствия в школе этим заинтересовалась бы дирекция, а затем и Schulamt⁴

Это ведь не Россия, где можно прогуливать школу по записке от мамы – просто потому, что неохота, а потом тупо нагнать программу к концу четверти. Здесь за каждый пропущенный день нужно отчитаться.

Да и вообще всё глупо, кроме одного – пойти на мировую, дожидаясь совершеннолетия Алекса. Ведь я-то, конечно, стала гражданкой Германии: и язык выучила, и образование получила, и работу в частной Галерее искусств, но для коренных немцев я всё равно оставалась эмигранткой, и это

⁴ *Schulamt – Министерство школьного образования Германии (Staatliches Schulamt)*

чувствовалось в их отношении – слегка небрежном, слегка снисходительном и заведомо предвзятом. Я словно всегда была слегка «не до», как впрочем, и любой другой эмигрант. И это в обычных, бытовых вопросах, а чего уж говорить об участии в судебных разбирательствах, которых я, к слову сказать, боялась, как огня? Камила Петровна Трайбер, в девичестве Иванова, это ведь что-то с чем-то! С таким прошлым только и оставалось, что сидеть тише воды, ниже травы.

Николос действительно приехал пораньше. Как ни в чём не бывало, принял душ, переоделся. Появился на пороге гостиной, где я сидела, тихонечко, словно мышка, и лихорадочно соображала, как же мне себя вести.

– Ты готова?

– Смотря к чему.

Он спокойно прошёл к фортепиано, открыл крышку.

– Надень что-нибудь эффектное. Например, то красное платье, в котором ты была на благотворительном ужине в Кёльне.

– Оно бордовое... – машинально поправила я.

– Неважно, – присев на банкетку, Ник тронул клавиши. – Надень его. У меня для тебя сюрприз.

Сюрприз удался. Ник привёз меня в ресторан, и не абы какой, а русский! Видимо он открылся не так давно, потому что раньше я о нём даже не слышала. А не услышать было

бы трудно, назывался-то он «Маруся»!

Шикарный, дорогой интерьер в стиле русского модерна – со всей этой лепниной, растительными орнаментами, витражами и перламутровыми инкрустациями. И я в своём длинном бордовом платье с открытой спиной, собирающая взгляды присутствующих...

Отозвалось. Ох, как отозвалось! Я словно очутилась в царской России начала прошлого века, где-то в среде русской интеллигенции. И даже Николос, такой чопорный и безэмоциональный пришёлся мне как нельзя более в пару.

Наш столик располагался напротив небольшой сцены с роялем цвета слоновой кости, возле которого стояла гитара. Стояла скромно, даже слегка в сторонке, но при этом словно была гвоздём программы – так и притягивала взгляд. А может, я просто искала повод не смотреть на Ника...

Он объяснял мне, что сложности в семейных отношениях это норма, и что в нашем случае они хотя и цикличны, но поверхностны. И что на самом-то деле нет ни единой веской причины для того, чтобы расторгнуть брак.

А я рассматривала чёрную гитару и думала: «Господи, сколько же шика в том, что она матовая! Какой изящный контраст с зеркальным глянцем рояля»

Ник, убеждал меня в том, что разногласия неизбежны в любом интернациональном браке, и это не страшно, это всего лишь разность менталитетов.

А я смотрела на гитару, и мне казалось, что её бархатная

тьма пылает сумасшедшим пламенем. И золотые искры летят в небо. И ветер в волосах. И свобода зовёт, зовёт... И в памяти всплыли вдруг строчки романса, что пела когда-то моя бабушка: «Цыганка – дочь костра и ночи, не прицеляясь, жизнь сменила на любовь...» И тут же – жгучие смешливые глаза, словно заглядывающие в душу, и мимоходом брошенное мне: «Всё равно ты не будешь с ним. Забудь лучше сейчас, или наплачешься!» А я не послушалась тогда. И наплакалась на всю жизнь вперёд.

Я вдруг вздрогнула. Оказалось, это Ник накрыл мою ладонь своею:

– ...Мила, ты меня слышишь?

– Что? Извини, я задумалась. Что ты сказал?

Его рука была тёплая, а в этом простом жесте – неожиданно много смысла. Он, человек, однажды обиженно возненавидевший Россию и всё, что с ней связано, привёл свою русскую жену в русский же ресторан, и, сжимая в пальцах её руку, убеждает в том, что не хочет разводиться. На русском убеждает! Пытается достучаться.

– Я спрашиваю, а чего не хватает тебе? Мы ведь взрослые ответственные люди и можем просто договориться. Да, я не готов пересмотреть своё отношение к твоей стране, но признаю, что не должен угнетать тебя в праве на национальную принадлежность.

Сколько ненужных слов, Господи! Сказал бы просто «Я тебя люблю» – и мне бы хватило! Но он не скажет. Потому

что мы просто «взрослые, ответственные люди» которые могут договориться. Причём тут любовь?

– Так чего ты хочешь, Мила?

Я вытянула ладонь из-под его руки, и, окинув взглядом зал, шаловливо сморщила нос:

– Коньяка хочу, Ник. Армянского!

Он не подал виду, что растерялся, но я знала, что это так. Потом я пила пятилетний «Арарат» и рассказывала мужу о том, что в Галерее мне наконец-то выделили персональную студию, и теперь я могу строить график занятий – групповых и индивидуальных, не по остаточному принципу, после коллег-немцев, а так, как удобно мне. Ещё рассказывала о том, как много среди серьёзных, обременённых властью, ответственностью и деньгами людей желающих просто отвлечься на час-полтора от всех забот и посвятить это время творчеству. Николос слушал, кивал, но в его глазах застыла озабоченность: зачем я говорю ему это и как вернуть разговор в нужное русло? Он словно вспомнил, что у меня тоже есть жизнь, работа, планы и желания, но оказалось, что это не входит в сферу его интересов. Я же забавлялась. Ну извини, дорогой! Логистика и консалтинг – это к Анне, а я вот такая несерьёзная: красочки, холсты, пленэры и прочая арт-терапия.

А потом что-то произошло, какое-то неуловимое движение атмосферы в зале. От соседних столиков полетели легкие аплодисменты, я машинально повернулась к сцене и уви-

дела его.

В тёмно-зелёной атласной рубашке с широкими рукавами и расстёгнутым до середины груди воротом, в чёрных свободных брюках, заправленных в остроносые сапоги, туго подпоясанный расшитым золотыми нитками рубиново-красным кушаком, – он не смотрел по сторонам, а просто, легко вскочив на невысокий порог сцены, чуть поддёрнул манжеты и, опустившись на приготовленный для него стул, взял в руки гитару.

Но как он её взял! Так касаются любимой женщины в тот миг, когда нет больше сил терпеть. Когда смысл жизни сводится к обладанию бархатными изгибами её тела и желанию заставить её стонать от наслаждения. И она с готовностью всхлипнула и тут же заплакала – видно, от счастья быть в его руках...

Он играл что-то надрывное, то едва слышное, то страстно кричащее. Что-то задевающее душу каждого присутствующего в зале. И для него не было больше никого вокруг, только ОНА. А я смотрела на его руки, на его пальцы, теребящие струны, на перстень с чёрным камнем на мизинце и чувствовала, что пропадаю. Мурашки, затвердевшие соски, сбившееся дыхание и бесстыдно намокающие трусики...

Господи, неужели моё тело всё ещё умеет ТАК? Неужели оно ещё живое?

Краем глаза заметила как, проследив за моим взглядом, усмехнулся и качнул головой Ник. И это немного привело

меня в чувство.

– Извини, Ник, мне надо выйти...

Встала перед зеркалом в туалете, закусил губу. Глаза блесят, на щеках румянец. В крови лёгкий мандраж. Какого чёрта? Не стоило пить коньяк? Пожалуй.

И так вдруг захотелось любви... Не секса, а именно чувств. Чтобы быть как та гитара – единственной во всём мире. Чтобы ОН для меня, а Я для него. Чтобы быть с ним, даже когда далеко. Чтобы чувствовать его рядом, даже когда врозь. Отдавать ему себя, свои мысли и чаяния, и знать, что в ответ он без остатка отдаёт свои. И растворяться в этой любви без тени сомнения, потому что не может быть сомнений там, где есть верность. Вот только разве так бывает вообще?

Когда вернулась за столик, музыкант играл уже что-то другое. Боясь снова смотреть на его руки, мазнула взглядом по лицу. Забавно. А ведь я его почти придумала! Ведь я, почти сойдя по нему с ума, даже не удосужилась рассмотреть черты. Мне представлялся чернявый цыган, а оказалось славянин. Светленький, вполне себе смазливенький. Перевела взгляд на мужа – ничуть не хуже. Тогда какого чёрта мне надо?

– Ник, я хочу уважения к себе, а чувствую только твоё раздражение. Я правда, старалась не обращать на него внимания, но... Любви нет, мы оба это понимаем... – Я замялась, лихорадочно соображая, стоит ли добавить, что она была? С моей стороны точно. Пусть не страсть, а больше похожая на

благодарность тень, но всё-таки была! И кто виноват в том, что вместо того, чтобы расцвести и окрепнуть она засохла? Не я, точно! Нет, не стоит и говорить об этом. Незачем. – Тогда зачем нам быть вместе, Ник? Тем более что ты с Анной...

Он мотнул головой, прерывая:

– Разве мои отношения с Анной как-то касаются семьи? Разве я не прихожу ночевать домой, или уезжаю на выходные? Компрометирую тебя? Или вы с Алексом в чём-то нуждаетесь? Нам повезло, мы живём в двадцать первом веке, Мила! Цивилизованное человечество давно освободилось от предрассудков. Каждый из нас – уникальная личность, а потому имеет право на полный спектр эмоций! Ты не понимаешь этого, потому что... – замолчал, подбирая слова.

– Потому, что я русская, да? Дикая, зашоренная советским режимом, далёкая от Европейских ценностей и свобод, да? Ну что ж, да, я такая! Но я же ни к чему тебя не принуждаю, Ник! И я, правда, очень и очень благодарна тебе за всё, что ты сделал для нас с Алексом, ты и сам знаешь это. И развод – это не потому, что моей благодарности пришёл конец. Нет! Это всего лишь свобода в *моем* понимании. И в первую очередь – свобода для тебя, Ник!

Он раздражённо взмахнул руками.

– Мила, ты не понимаешь! Я и так свободен! И без развода, который на самом деле не что иное, как необдуманное разрушение семьи. И может быть, и тебе пора хотя бы по-

пробовать преодолеть свои стереотипы и стать свободнее?

Мы сцепились взглядами. Хотелось расхохотаться ему в лицо, но было слишком горько.

– Что-то я не поняла, ты что, предлагаешь мне завести любовника? И при этом рассуждаешь о том, что разрушать семью – это последнее дело? Серьёзно? – Помолчала. – Нет, Ник. Я не готова к этому. Не хочу так!

– А я не хочу, чтобы ты уходила.

– Тогда это тупик. А удерживать меня, шантажируя сыном, это преступление. Не перед законом, в данном случае он невинен и слеп, а перед совестью. Твоей совестью, Ник! Ну и чего ты этим добиваешься?

– А если я порву с Анной?

За десять лет брака я так привыкла к его зелёным глазам! К тому, как он думает, прежде чем ответить, к его режиму дня, к предпочтениям в еде и любимой позе для сна... К музыке, фильмам, книгам. К сексу. Наш быт был похож на монолит. Он был незыблем и отлажен до мельчайших деталей.

А сколько души я вложила в наш дом! Каждая вещичка, каждый штрих – всё для уюта и тепла. Ведь мне так необходимо было это ощущение родного берега! И я упорно создавала его где-то на чужбине, веря психологам в том, что проблема не в стране проживания, а во мне. В моих прошлых кошмарах и душевных ранах. «Счастье внутри нас» – говорили они. А ещё: «Тот, кто живёт прошлым – лишает себя будущего» и «У каждого есть право на ошибку»...

– А ты порвёшь?

Ну давай, Ник... Скажи ДА.

А он смотрел на меня с интересом, как когда-то давным-давно, когда я, наивная неумелая дурочка, рисовала его портрет, и от этого взгляда мне снова хотелось верить в то, что всё ещё у нас может быть. И в этот момент густой, бархатный баритон, бросил первый, полный цыганского огня возглас и потянул за живое... И я невольно повернулась к сцене.

И снова гитара, и терзающие её трепетные руки, и закрытые в порыве чувственной страсти глаза. А ещё – вскинутый подбородок и вздущаяся от напряжения жилка на шее:

– Я увидел тебя и, увидев, постиг

Всё, что в мире есть мертвом живого,

Я сказал бы тебе, что люблю каждый миг...

Но я знаю, ты любишь другого!

И то зыбкое, что только что витало между мной и Ником, начало вдруг рассыпаться как корявый карточный домик...

– Хорошо, если для тебя это так важно, я буду только с тобой, – твёрдо ответил Ник. – Но тогда и ты будь только со мной.

Я хотела повернуться к нему, но не успела. Артист открыл вдруг глаза и взгляды наши встретились.

– Глядя в очи твои, внемля песне твоей,

Я шепнул бы заветное слово,
Но я знаю, что ты мне ответишь: «Забудь!»...
Потому что ты любишь другого!

Это он мне?! Глаза в глаза, так, словно кроме нас с ним в этой зале никого больше нет. По моей оголённой спине тут же разлилось бесстыдное щекотливое тепло – и прямоком вниз живота. И я испуганно отвернулась, чувствуя, как паутинкой шального бабьего лета тянется за мной ласковый взгляд артиста.

– Я и так только с тобой Ник. Поехали домой?

Излишне крепко вцепившись в локоть мужа, я старалась придать шагу твёрдости, но чувствовала, как предательски замирает от провожающего нас бархатного голоса душа:

– Я бы грезил тобой и не спал бы ночей
И, от пения пьян хорового,
Не спускал бы с тебя я влюблённых очей...
Но я знаю, ты любишь другого!⁵

Последний аккорд, аплодисменты и голос ведущего за спиной:

– Дамы и господа, сегодня и всегда, только для вас и только в нашем ресторане, непревзойдённый маэстро из России – Олег Князев!

⁵ Старинный цыганский романс.

Я не удержалась, воровато обернулась и столкнулась с бездонным голубым взглядом. На губах маэстро блуждала лёгкая, чуть кособокая улыбка. И я вдруг отчётливо поняла, что он действительно пел для меня.

И с того вечера что-то изменилось. Может, мы, «взрослые ответственные люди», всё-таки сумели договориться, а может, просто началась золотая Гамбургская осень, и её ласковое тепло согрело и нас с Ником тоже?

Вернулись разговоры по вечерам, прогулки, встречи с общими друзьями и походы в театр. Николос признал, что не ожидал от меня требования о разводе и не нашёл на тот момент другого способа остудить мой пыл, кроме как припугнуть разлукой с сыном. Признал, что был неправ. Объяснил и свою позицию по поводу гражданства Алекса – если тот захочет после окончания гимназии податьсь в систему подготовки офицеров вооружённых сил ФРГ, то двойное гражданство сыграет с ним злую шутку. Алекса просто не возьмут, не положено по закону. И мы сошлись на том, что не стоит спешить. Что ребёнку всего двенадцать, в запасе как минимум пять лет, в течение которых всё будет понятно.

В середине сентября, на мой настоящий день рождения, Ник повёз меня в автосалон и предложил выбрать новую машину взамен старенькому Фиату. И именно в тот день я и получила свою ласточку, белоснежную красавицу Хонду Аккорд.

Это было похоже на возвращение к самому светлому периоду наших отношений – с ноль первого по ноль четвёртый годы, когда я, глядя на Ника и задаваясь вопросом «Так что между нами?», готова была признать, что это влюблённость, имеющая все шансы перерасти в настоящее чувство.

Тогда мы продирались к этому почти целый год двухтысячного, когда на лице забравшего меня к себе в Германию и даже предложившего пожениться Ника, я часто замечала что-то вроде обречённости.

Не хотел? Так я же не просилась замуж! Ну да, это был самый простой и быстрый способ получить гражданство... Но я ведь не просила! Я ведь могла бы и по долгому пути пойти – регулярное продление вида на жительство, языковые курсы, трудоустройство... Мне же лишь бы с Алексом! Но Николос решил сократить мои мытарства с семи до трёх лет путём замужества. И это было на сто процентов его решение! Так откуда эта молчаливая растерянность?

В общем, первый год был странным, а потом мы привыкли друг к другу, словно заново познакомились, и он оттаял. И не было в нём тогда этой зверской русофобии, скорее ирония и искреннее непонимание русской души. Но не злость. Наоборот – интерес. Он же изучал «тёмную сторону» России!

И жили мы эти три года вполне себе дружно, даже ребёнка пытались зачать. Только вот не получалось. Проверились, выяснили, что оба здоровы. Врачи говорили, что так бывает. Предлагали ЭКО. Мы трижды пробовали. Без толку.

А в две тысячи четвёртом, во время одной из командировок в Россию, Ника неожиданно обвинили в каких-то нарушениях Российского законодательства и выдворили из страны сроком на пять лет... И его мнение о том, что русские, это диковатый, задержавшийся в средневековой серости народ из шутливой иронии превратилось в злую убеждённость. И всё это негодование обрушилось вдруг на меня.

Это было неожиданно и обидно, но я терпела. Теперь понимаю, что, пожалуй, тогда тоже чуть не дошло до развода – но по инициативе Ника. Однако он справился с собой. Возможно, помогло то, что спустя год после выдворения из России, в две тысячи пятом, у него неожиданно резво пошёл в гору собственный проект по созданию Логистической компании международного уровня. Тогда нашлось вдруг и очень хорошее финансирование, и эффективная команда специалистов собралась словно по щелчку пальцами, и солидная клиентская база нарабаталась будто сама собою. Дало пошло, и без того неплохое материальное положение нашей семьи резко улучшилось, Николос внутренне расслабился, почувствовал себя увереннее. И наши с ним отношения почти вернулись к прежним. Почти. Потому что вместо шутливой иронии по отношению к русским в нём теперь кипела злая обида.

Этот новый всплеск тёплых отношений продлился примерно полтора года, когда я почувствовала вдруг неладное – какой-то мерзкий, едва заметный сквознячок между на-

ми. И Бог его знает почему, но моё внимание сразу пало на секретаршу Николоса. Блёклая и подчёркнуто неженственная, Анна всегда была с ним рядом. Она звонила среди ночи, на выходные и в отпуске. И даже если звонок раздавался во время ставшего к той поре весьма редким и скучным секса, Ник отрывался от процесса и шёл разговаривать! Ну и что я должна была думать?

А потом этот Российско-Грузинский конфликт и новый всплеск негатива... Но, слава Богу, кажется, проскочили и это. Теперь оставалось надеяться, что третий заход окажется как в сказке – самым удачным! Во всяком случае, я старалась. Мы оба старались.

В середине ноября Николос улетел на неделю в командировку в Канаду. На следующий день после его отъезда, заскучав, я совершенно спонтанно решила поучаствовать в двухдневной конференции Арт-терапевтов в Берлине. И там, собираясь уже лететь обратно домой, увидела своего мужа. С Анной, конечно.

О нет, ничего такого! Они даже за руки не держались! Просто шли по улице – тесно, касаясь плечом плеча, смеясь и открыто заглядывая друг другу в лица...

Конечно, я была неправа! Ведь я могла бы окликнуть его или дождаться из командировки и задать-таки неудобный вопрос, чтобы знать ответ наверняка... Да даже в очередной раз закрыть глаза могла бы – мне ведь было обидно, но почти не больно! Но вместо этого я, проводив счастливую парочку

взглядом, просто отправилась в аэропорт.

Добравшись до дома, как ни в чём не бывало прожила свой обычный день: работая в Галерее, общаясь с сыном. А поздним вечером, когда пожелав доброй ночи, Алекс закрылся у себя в спальне, я надела бордовое платье с открытой спиной, накрасила губы холодным винно-красным и, сняв обручальное кольцо, заказала такси до «Маруси»...

Глава 4

23 декабря 2010г.

Когда подъехала к гимназии Алекса, он ещё не вышел. Ожидая, я достала из бардачка влажные салфетки и попыталась затереть пятно на рукаве. Нужно будет сдать его в чистку, чтобы даже следов не осталось. Кстати о следах... Взяла телефон. Целых двадцать три незамеченных ранее сообщения от Олега, в которых он метался от извинений к угрозам и оскорблениям и снова – к извинениям и уговорам. Всё. Надоел!

И я просто удалила историю сообщений и кинула номер Олега в чёрный список. Вот так. Бесследно. Но не сказать бы, чтобы меня всё это не тронуло. Наоборот, выбило из колеи так, что я даже не с первого раза справилась с кнопкой центрального замка на двери. Кое-как выползла на улицу, хватанула ртом сырого туманного ветра. Добрела до урны, выкинула салфетки.

Если б только можно было и испачканную совесть вот так же выкинуть!

Я ведь всегда понимала, что он на самом деле самовлюблённый говнюк, но не хотела это признавать. Хотя спрашивается, вот на кой хрен он вообще был мне нужен? Что он дал мне, кроме хмельного угара злой мести и коротких часов сладкого самообмана? После которых обычно бывал та-

кой откат в тошноту от самой себя, что руки опускались. И ведь я даже не была уверена, что Ник действительно возобновил отношения с Анной! Я просто сорвалась тогда с катушек и изменила – дерзко и безрассудно. Думала мужу, а оказалось, себе. Но особенно тошно было от того, что даже когда я поняла это – не смогла остановиться. Олег стал наркотиком для моего тщеславия. Волшебной дудкой, от которой дуреет кобра. И спросили бы меня сейчас: «Что происходит в твоих отношениях с мужем?» – я не смогла бы ответить внятно. Потому, что давно уже забила на них и пустила на самотёк.

– Добрый вечер, госпожа Трайбер!

Я суетливо оправила волосы, натянула на лицо вежливую улыбку и обернулась:

– И вам доброго вечера, господин Хильдт.

– Ждёте Алексея?

– Да, но он что-то задерживается.

– Мне кажется, я видел его там, за углом, в компании ребят. Но я не уверен.

– Ничего, я подожду... – небольшая натянутая пауза. – Сегодня сыро, но воздух приятный, да? И морем пахнет, чувствуете?

Густав Хильдт, преподаватель русского и английского языка в гимназии Алекса, смешно сморщил переносицу, без рук поправляя на ней круглые, чуть запотевшие очки.

– Значит, будет потепление. Возможно даже дождь.

– Ну нет! – шутливо воскликнула я. – А как же Рождество?

– О! Санта приплывёт на лодке! – с готовностью рассмеялся он.

Стоит ли говорить, что общались мы на русском? Густав был молодой, от силы лет двадцать пять, высокий, худой. Очень интеллигентный. Приятный. Работу свою любил до одури и использовал любую возможность, чтобы практиковать разговорную речь. Я никогда не отказывала ему в этом и больше того – была благодарна за то, что он упрямо продолжает преподавать не столь популярный, в отличие от английского, русский. Для меня это было очень важно. Я не хотела, чтобы Алекс забывал родную речь, а к этому шло, так как разговорной практики в повседневной жизни было маловато. Как-то так получалось, что даже дети знакомых русских эмигрантов вокруг нас говорили только на немецком. И смотрели на Алекса как на бога-полиглота, изучающего аж три *иностранных*: английский, китайский и... русский.

А ещё, Густав был единственным, кто называл Алекса на русский манер – Алексеем. И когда я слышала это, меня накрывало тоскливым тёплом. Ну и как тут не поболтать?

Наконец, попрощавшись с Хильдтом, я набрала Алекса. Он не ответил. Тогда я пошла туда, где его якобы видел учитель и, выходя из-за стены стриженных в разные геометрические формы кустов, увидела идущего на встречу сына. С девушкой. Причём рука Алекса лежала на её талии, но увидев меня, он резко отдернул её и суетливо завозился с лям-

ками своего рюкзака.

Я в растерянности остановилась. Ну и как себя вести? Как-то это неожиданно... Не рано ему?

Так и стояла, наблюдая, как они подходят ко мне. Девочка ниже Алекса почти на целую голову. Волосы длиной до плеч, взлохмачены ветром, уши и щёки красные – то ли от холода, то ли... Да нет. Они ещё малы для поцелуев.

– Мам, привет. Это Селена, она из наших черлидеров.

– Здравствуйте, фрау Мила, – смело улыбнулась та.

– Здравствуй... – заторможено ответила я, тут же выпепляя взглядом пирсинг на брови и крыле носа, броский макияж глаз и совершенно ненакрашенные, припухлые губы. И тут же, машинально, взглядом вниз по фигуре. А девочка-то с формами! Даже сквозь мешковатую одежду видно.

– Мам, довезём Селену до дома?

– Конечно, – медленно приходя в себя, согласилась я. – Только, что скажут её родители? Селена, за тобой же, наверное, должен кто-то приехать?

– Нет, я сама всегда добираюсь.

– Мм... Ну хорошо. Поехали.

Селена села сзади, Алекс впереди. По дороге они с аппетитом слопали колбаски, а потом Алекс ещё и яблоко своё ей отдал. Девочка была болтливая, довольно раскованная. Даже слишком, на мой взгляд. Чего стоило только то, что на подъезде к своему дому она без всякого стеснения запустила пальцы в волосы Алекса и принялась их шаловливо трепать!

Просто так. Нежность такая. На глазах у матери!

– Селена, а сколько тебе лет? – не выдержала я и тут же заметила, как гневно стрельнул в меня глазами Алекс.

– Шестнадцать.

– Мм...

Остановила там, где она попросила.

– До свидания, фрау Мила!

– До свидания, Селена.

– Подожди, я тебя провожу! – после небольшой заминки, решился Алекс.

С непонятным беспокойством я наблюдала, как они не спеша дошли до её двери, болтая, постояли пару минут у крыльца. Потом, прежде чем уйти, девочка повернулась в мою сторону и помахала ручкой. И в этом словно был какой-то вызов. Нахалка мелкая!

Вернувшись, Алекс молча плюхнулся на своё место, и, красноречиво сцепив руки на груди, уставился перед собой. Брови в кучу, губы поджаты. Папаня. Вылитый. А ещё – слегка сестрица.

Это мне карма какая-то что ли – всю жизнь разгребать Машковские закидоны?

– Пристегнись, Алекс.

Не глядя рванул ремень, защёлкнул, и вернулся в свою коронную надутую позу. Ну... Может, я и правда перегнула?

– Ну хорошо, извини, наверное я была неправа. Но, во-первых, я не спросила у неё ничего особенного, а во-вторых,

тебе не кажется что она для тебя слишком... взрослая?

– Findest du nicht, dass das dich nichts angeht?⁶ – взорвался вдруг Алекс.

И до самого дома мы ехали в молчании. Откуда это берётся? Не вспыльчивость, не нетерпимость к давлению извне, с этим-то как раз всё понятно – возраст плюс гены, а вот это умение манипулировать? Кто, начиная ещё с глубокого детства, научил его в разговоре со мной демонстративно переходить на немецкий, в те моменты, когда нужно подчеркнуть что я никто и звать меня никак?

К ужину Алекс немного отошёл и выглядел теперь скорее виноватым. Это даже Николос заметил. Правда, ничего не спросил, только изредка скользил взглядом от меня к сыну и обратно.

Алёшкина вспыльчивость меня не разозлила, скорее, расстроило то, что всё случилось именно так. Возможно, я действительно полезла не в своё дело? А с другой стороны – а что тогда моё, если не сын и то, что с ним происходит?

Конечно, я знала, что у них в школе уже проходят уроки полового воспитания, что их там даже учат надевать презервативы, – слава богу, на бананы! – и рассказывают о том, что до определённого возраста лучше ограничиваться петтингом. И я не была ханжой, но... Именно сейчас вдруг, для меня это оказалось дико! Какой петтинг, какие презервативы – они дети! Ему всего четырнадцать!

⁶ А тебе не кажется, что это не твоё дело? (нем.)

А ещё, впервые за долгое время, этим вечером я почувствовала рядом мужа. Не потому, что он вёл себя как-то особенному, а потому, что словно очнулась от дурмана. Вот, к примеру, я и раньше видела, что за последние полгода Ник сильно похудел, и даже знала что со здоровьем у него всё в порядке, просто он увлёкся стремительно разрастающейся философией осознанного питания. «После сорока еда – либо лекарство, либо яд», «Не ем тех, у кого есть мать», «Глютен – хуже сахара», «Радуга на тарелке» – и всё такое. В его рационе теперь были в основном свежие салаты и орехи, крупы и сыры, и конечно, он, активный сорокапятилетний мужчина, просто высох на такой диете!

Так вот, я видела эти изменения и раньше, но только сегодня вечером воровато и словно впервые рассмотрела их в деталях. Ник сильно осунулся, да, но выглядел при этом довольно свежо и молодцевато. Вот только во взгляде затаилась глубокая усталость. И мне так захотелось вдруг обнять его и... нормально покормить! Картошечки жареной с грибочками, котлетку, помидорку солёненькую. Чтобы он расслабился и забылся хоть ненадолго. Чтобы на острых скулах заиграл румянец, чтобы свободно опустились напряжённые, костлявые плечи.

Чего скрывать, в прежнем весе он нравился мне больше. Я вообще с юности испытывала слабость к крепким мужчинам и любовалась ими до сих пор, но как-то так случилось, что это уже давно не имело значения. У меня есть муж, и

он вот такой, какой есть. Я ведь и сама давно уже не юная дева с осиной талией и высокой пышной грудью. Нет, я всё ещё могла похвастать стройной, моложавой фигурой, и тоже старалась питаться правильно, а ещё, стабильно три раза в неделю ходила в фитнес-центр... Но годы всё равно накупили полтора размера в объёмах, округлили и изменили формы, сгладили рельефы. И как бы я ни старалась вернуть себя прежнюю – не удавалось.

Ну что ж, мы с Ником не молодели, да. И я принимала его с его чрезмерной худобой, а он меня – мягкую и плавную, хотя и не скрывал, что предпочёл бы, чтобы я тоже похудела. Но, несмотря на все разногласия, всё ещё были вместе. И разве это не больше, чем тысяча самых восторженных слов? Тем более что я в них не очень-то и верила, настойчиво пропуская через фильтр самокритики.

Господи, ну вот какой чёрт дернул меня кинуться под Князева, даже не выяснив, что у Ника с Анной? А вдруг, как мы и договаривались, там уже ничего и не было? Во всяком случае, очень похоже на то, что весь холод, что витает в отношениях между нами последние два года, теперь приношу я сама – на целованных другим мужчиной губах; на руках, что бесстыдно ласкали чужое тело; в запутавшемся в волосах шёпоте измены; в сдавленном писке совести и в страхе, что ничего уже не исправить.

К концу ужина до меня дошло, что я, скорее всего, как и Алекс выгляжу виноватой, а Николос считает, что это от то-

го, что мы с сыном поругались. Мне же просто было стыдно перед ним, законным мужем, который однажды, между прочим, не допустил развала нашей семьи.

Глава 5

В начале десятого я принесла Нику в кабинет имбирный чай с корицей и апельсиновыми корочками. Традиция рождественской недели, которую я в своё время сходу переняла от фрау Хельги Трайбер, свекрови... Но о которой совершенно забыла в прошлом году, например. Хотя нет, не забыла. Забила.

Николос оторвал взгляд от монитора, немного завис, глядя на окутанную ароматным паром кружку с оленями, и, наконец, поднял глаза на меня.

– Спасибо, это очень кстати. – Вежливо, с улыбкой. Не подкопаешься.

Я кивнула и прошла к окну за его спиной. Слегка отодвинула занавеску, выглядывая на улицу. Срочно нужно было что-то сказать, но я не могла придумать что. Казалось, любые слова прозвучат глупо. Тем более что если прислушаться к себе, то и вовсе – хотелось просто обнять его сзади, уткнуться лицом в его затылок и помолчать. До свербения под коленками хотелось! И до слабости в руках страшило.

Что за телячьи нежности, несвойственные нашим отношениям?

Но, может, они потому и несвойственны, что мы ещё не пробовали?

Задержала дыхание, решительно повернулась к мужу... И

желание обнять тут же исчезло. Он был чужой. Свой чужой, как-то так. Не тянулись к нему руки, не магнитило к его запаху и теплу. Да и всплеснувшая было жажда нежности, кажется, возникла просто как отголосок заботы, вложенной в приготовление чая. А самое обидное то, что желание обнять Ника исчезло, а потребность обнимать – нет. Наверное, ещё и за этим мне нужен был Олег. И, может, за этим же нужна была Нику Анна? Вот интересно, у него с ней было так же самообманчиво, как у меня с Князевым, или от души?

– Мне показалось, что у вас с Алексом что-то случилось, или на самом деле есть проблемы? – спросил Ник.

– Даже не знаю, как сказать...

– Скажи как есть.

Я обошла его стол спереди, прислонилась к нему бедром. Машинально повела пальцем по плафону настольной лампы.

– Ну... В общем, Алекс, кажется, встречается с девочкой.

– И?

– И она довольно-таки раскованно себя держит. В моём присутствии теребила его волосы, представляешь?

Ник откинулся на спинку кресла, сложил на груди руки. На лице непонятная улыбка.

– Они учатся в одной гимназии, она танцует в группе поддержки их баскетбольной команды. Ей шестнадцать и она такая, знаешь... Вполне себе созрела физически. И поэтому её поведение невольно наталкивает на тревожные мысли. Понимаешь, о чём я?

– Думаю, да. Ну а в чём конфликт?

– Да нет никакого конфликта, просто... Ник, Алексу четырнадцать! Всего!

– Через два месяца уже пятнадцать, – тут же поправил меня муж. – А вот возраст согласия – как раз-таки четырнадцать. То есть... – многозначительно развёл руками.

Я растерялась.

– То есть, ты хочешь сказать, пусть делают что хотят? А не рановато?

Он пожал плечами:

– Они свободные личности и уже могут решать самостоятельно, когда начинать половую жизнь. Не вмешивайся, у тебя нет такого права. Закон на их стороне.

– Какой закон, Ник?! А если она забеременеет? Ты что, не понимаешь? Ему четырнадцать! Да и она тоже... Толку-то в её формах, если мозгов ещё нету? Дети!

– Думаю, что о безопасности девочки должны позаботиться её родители, – как упрямый правильный робот, выдал мне Ник. – Разве нет? А если ты так переживаешь о последствиях для Алекса, то поговори с ним. Купи ему презервативы, в конце концов. В чём проблема?

Повисла пауза, во время которой я старательно сдерживалась от того чтобы не перейти на русский матерный. Наконец выдохнула:

– Я?! Я должна говорить с ним об ЭТОМ? А не ты? Он всё-таки мальчик!

Ник снова дёрнул плечами:

– Какое это имеет значение? Что, мужчина и женщина не могут конструктивно обсудить тему, которой, так или иначе, касаются оба? Что за стереотипы, Мила?

Я закусил губу. Нет, вообще, Ник, конечно, прав. С точки зрения всякой там логики и гендерного равенства – прав. Но, блин...

– Могут, – не стала упрямиться я. – Да и нет никакой проблемы. Это я так, просто к слову пришлось. Не бери в голову. – Оторвалась от стола и направилась к двери. – Доброй ночи, Ник. – И вдруг замерла. – Кстати, а какие у тебя планы на Рождество?

Встретились взглядами. Ну да, вопрос актуальный, потому что в прошлом году он в самый сочельник срочно улетел на переговоры в Арабские Эмираты.

– Я же предупреждал, что двадцать четвёртого, с утра, улетаю... Разве нет?

Я рассмеялась. Не обиженно, а так... Философски.

– Нет, Ник, ты не предупреждал. Больше того, утро двадцать четвёртого – это уже завтра, а я до сих пор не в курсе твоих планов. Ладно, не страшно. Удачной тебе поездки. – И, уже не оборачиваясь, пошла из комнаты.

– Мила, стой! – Николос вдруг поднялся из-за стола, и я с каким-то замиранием в сердце наблюдала, как он приближается. Встал возле меня и, после небольшой заминки, притянул к себе. – Ну хорошо, если тебе так важно, чтобы

с Алексом поговорил именно я, я поговорю. Что ты хочешь, чтобы я ему сказал?

Я так же деликатно, как и он, положила ладони ему на плечи – ни дать, ни взять, идеальная семейная пара для рекламы майонеза!

– Не надо, Ник. Спасибо. Думаю, ты прав, я и сама могу. Если в этом вообще есть необходимость. Доброй ночи!

Поднялась в спальню, расстелила постель. «Что ты хочешь, чтобы я ему сказал?» Да уж... Идеальная семья! Полный симбиоз и взаимная договорённость по любому вопросу. Грех жаловаться. Хотя бы потому, что другой у меня нету, а эта не так уж и плоха. Просто хватит грести против течения.

Ник пришёл уже через полчаса. Необычно рано для него, возможно потому, что завтра в дорогу. Между нами завязался какой-то мирный, ничего не значащий разговор. А потом Ник неожиданно обнял меня со спины. Не дежурно, как в своём кабинете, а с вполне конкретной целью. Ладони скользнули под мой домашний пуловер, настойчиво поползли вверх по животу. Я моментально напряглась. Я не хотела. Не была готова. Слишком уж меня накрыло сегодня виной за связь с Князовым. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя. Но и отталкивать Ника было бы неправильно.

Я перехватила его ладони, развернулась к нему лицом. Хотелось орать – «Не хочу!»... Но это тоже было бы неправильно, поэтому я только улыбнулась как можно беззабот-

нее.

– Ты завтра рано встаёшь... Давай спать?

Попыталась ненавязчиво выскользнуть из его рук, но он удержал.

– Я улетаю почти на неделю и буду скучать по тебе.

– Я тоже буду, Ник, но это работа, я понимаю... Просто жаль, что это Рождество мы снова встретим врозь.

Его руки снова были под пуловером и уже пытались сладить с застёжкой лифчика. Ладно. Проще поддаться. И я, закрыв глаза, сама потянулась к его губам...

Наверное, мы были похожи на двух кукол, которых игрушки «поженили» дети – просто тёрлись пластмассовыми лицами друг об друга, и это обозначало поцелуй. Прелюдию, блин, к сексу. Неужели Ник и сам не чувствует этого?

Откинула голову чуть вбок, подставляя под поцелуй шею, и взгляд упал на вспыхнувший экран телефона Ника, что валялся на кровати. Анна. Анна, чёрт её дери!

Ник не видел, не слышал – телефон был на беззвучном режиме и лежал у него за спиной, а я подумала вдруг: ну и нахрен эту Анну! Подождёт, пока герр директор отымеет законную жену, не обломается. Запустила пальцы в его волосы, добавила в поцелуй огня. В конце-то концов, я должна вернуть в наши отношения жизнь, и я смогу.

Но через некоторое время взгляд снова упал на телефон, и именно в этот момент, как по заявке, он снова вспыхнул. Вот назойливая! Время – десять вечера.

Настроение ушло. И хотя Ник уже стянул с меня кофту и лифчик, его ласки не отзывались, скорее раздражали. А уж когда Анна позвонила в третий раз, я психанула. Вклинила между нашими телами локти.

– Постой, Ник. Ну погоди... Стой... Нет!

Николос – законопослушный гражданин, и если жена сказала «НЕТ», это значит НЕТ. И любые, даже самые мирные попытки развести её на «ДА» могут трактоваться как изнасилование.

– Что-то не так?

– Всё так, просто не сегодня, Ник. Сегодня я... – снова вспыхнул телефон. – Сегодня я не хочу!

Он ослабил хватку, но руки не убрал.

– Тебя вообще не поймёшь, когда ты хочешь, когда нет! – раздражён, но пытается держать лицо. – И отчего это зависит тоже! Две недели назад, помнится, ты была очень даже не против. Что изменилось?

– Ну... – я смотрела на горящий телефон, и думала «Какой смысл в этом притворстве? Не рубануть ли с плеча?»...

– Может, это потому, что две недели назад у меня давно не было секса?

Он наконец-то отпустил меня, и я машинально сцепила руки на груди, прикрывая наготу.

– А теперь что? Хочешь сказать, недавно был?

Хороший вопрос. Особенно если учесть, что у нас с Ником тот, двухнедельной давности секс, был первым и послед-

ним за весь декабрь.

– Да, – просто кивнула я. – Примерно четыре часа назад. И кстати, ответь Анне, она уже шестой раз звонит. Наверное, не может решить, какого цвета трусики взять с собой в поездку. Или у неё все под стать ей: одинаково скучные?

Ник раздражённо схватил телефон и, даже не глянув на дисплей, выключил его. Совсем. Божечки, какой красивый жест! Вот только мне как-то пофиг. Наверное. Я не могла понять свои чувства, и поэтому, воспользовавшись замешательством Ника, просто сбежала в душ.

Мылась и рефлексировала. Всё-таки я неадекватная дура. Вот только весь вечер думала о том, что пора бы вернуть в отношения тепла, и тут же – на тебе! Психанула на такую ерунду как телефонный звонок коллеги!

Чувствовала себя натянутой струной и так отчаянно хотелось ослабить это напряжение, но я не знала как. Не понимала с чего начать и куда двигаться. Словно заблудилась в трёх соснах.

Когда из душа вышел Ник, я уже лежала в постели и усердно делала вид что сплю. Странно, кстати, что он не съехал в гостевую спальню. Я бы на его месте так и поступила. Но он просто погасил свет, улёгся и, спустя пару минут, залез под моё одеяло. Обнял.

– Мила, у меня с Анной уже давно ничего нет. И я не верю, что у тебя кто-то есть. Просто потому, что мы договорились об этом, ведь так? И у меня нет причин не доверять твое-

му слову, а у тебя – моему. – И неожиданно перешёл на русский: – Мила... Я знаю, что ты не спишь. Давай поговорим.

А меня душили слёзы. Было стыдно. Господи, как стыдно! Я повернулась к мужу, положила голову ему на плечо:

– Значит, я тебя обманула, Ник. У меня действительно была связь на стороне. И сегодня, и последние два года.

Он некоторое время молчал, поглаживая мои волосы.

– Допустим. Но ты, кажется, сказала – была?

Я суетливо закивала:

– Да. С ней покончено, это уже точно! Мне жаль, Ник, мне правда жаль и так стыдно!

Он прижал меня к себе, нашёл в темноте губы. Целовал, постепенно, осторожно наваливаясь, и я, наконец, открылась. Развела колени, закинула руки за голову и, чувственно подавшись к нему на встречу грудью, выдала один из самых сладострастных дежурных стонов, обозначающих удовольствие...

Потом мы лежали, каждый под своим одеялом, и молчали – каждый о своём.

– Мила, а может, нам снова попробовать зачать ребёнка? – Неожиданно предложил Ник. – Теперь мы можем позволить себе клинику совсем другого уровня, да и технологии шагнули вперёд.

Хотелось спросить: «А зачем нам это?», но это было бы... неправильно. Поэтому я просто промолчала.

– В самом деле, Мила, ребёнок связал бы нас общей целью

и заботами. Мы с тобой уже взрослые, ответственные люди и любые сложности можем решать простым диалогом. Какой смысл делать из всего драму?

– Не знаю, Ник. Это неожиданно. Мне надо подумать. Ребёнок, это всё-таки... Это очень серьёзно. Надо хорошенько подумать, всё взвесить.

– Подумай, конечно. И ещё, может, тебе возобновить работу с психотерапевтом? Мне кажется, у тебя очень повышен уровень застрессованности. И ты уже не справляешься с ним самостоятельно. Если так дальше пойдёт, это будет отражаться не только на наших с тобой отношениях, но и на Алексе. Уже отражается.

– Хорошо, Ник, я обращусь к нашему штатному психологу в Галерее, но это уже после праздников. Во сколько у тебя завтра самолёт?

– Я отменил поездку. Просто подумал, что будет гораздо лучше, если это Рождество мы проведём вместе – я, ты и Алекс. Может, слетаем в Куршевель?

И это действительно были четыре насыщенных впечатлениями и эмоциями дня. Алекс сначала заупрямился, не желая ехать, и всё сыпал кому-то сообщения в соцсети, наверное, своей Селене. Но как только самолёт оторвался от земли – отвлёкся. А потом и вовсе с головой окунулся в лыжи и ледяные горки.

Наши с Ником отношения тоже переживали очередное,

Бог вещь какое по счёту перерождение. И не знаю как у него, а у меня оно шло не от сердца, но от ума. А это, пожалуй, даже лучше. Кажется, я наконец-то начала понимать, о чём толковал муж, говоря, что мы взрослые и ответственные люди. Действительно, когда эмоции не зашкаливают, когда каждый поступок совершается осознанно – можно прогнозировать будущее, закладывать под него соответствующий фундамент и рассчитывать на определённую отдачу от партнёра по браку. И в этой предсказуемости – долгожданное душевное равновесие. Всё очень просто. Никаких трёх сосен.

Это обновление было таким неожиданным и мощным, что начиная со второго дня пребывания на курорте, я даже решила Нику не предохраняться.

Правда, каждый раз, когда шла после секса в душ, что-то такое точило меня изнутри... То ли сомнение, то ли дурное предчувствие. Но я понимала, что это может быть и банальный страх неудачи. Но не всё сразу. День за днём, месяц за месяцем – и привычка обязательно придёт. А ребёнок ещё больше её укрепит.

И я настолько прониклась этой идеей, что даже не выдержала, и по приезду домой сразу же разболтала о ней своей подружке, русской эмигрантке Кате Майер, которая работала парикмахершей и маникюршей в небольшой студии красоты у бывшего мужа-немца. Катя была единственным человеком, кого я посвящала в свои проблемы с Ником. А она меня в свои – со всеми, с кем пыталась строить отноше-

ния после развода. Мы с ней иногда даже в «Марусю» вместе ходили, в надежде подыскать ей горячего русского парня. Правда попадались всё больше просто российские: Ашоты, Гургены и Самвелы... Но Катя не унывала и продолжала искать. Она вообще была человек-позитив, такая русская Венера пятьдесят четвёртого размера – румяная, сочная, уютная. Может, потому и с мужем-немцем не срослось, потому и Саркисы и Сурены всякие попадались вместо Иванов и Матвеев? Катя всегда очень поддерживала меня в периоды разногласий с мужем – всеми этими откровенными бабскими разговорами за бокальчиком красненького, совместным шоппингом или каким-нибудь особенным маникюром, а теперь, услышав, что у нас с Ником всё наконец-то наладилось, даже неожиданно прослезилась от радости. И это окончательно убедило меня в том, что всё складывается правильно. Наконец-то.

Глава 6

Вечером следующего после возвращения из Франции дня, я поднялась в комнату к Алексу. Постучала, он не ответил. Я постучала ещё и, осторожно приоткрыв дверь, заглянула.

В комнате было сумрачно, горела одна только настольная лампа, да и та сфокусировано светила на скетчбук в руках Алекса. Сам он сидел за компьютерным столом и, периодически поглядывая на монитор, что-то стремительно зарисовывал. Поза максимально сосредоточенная на работе. На голове наушники, музыка из-под которых орёт так, что даже мне слышно.

Я не собиралась подкрадываться к нему со спины и всё-таки, пока подходила, невольно увидела, что именно он рисует. И растеряно замерла, не понимая, как поступить – незаметно выйти или срочно привлечь его внимание. Нет, оно конечно логично, что учиться рисовать тело человека лучше с обнажённой, не искажённой линиями одежды натуры... Но не с эротики же! А это было именно слайд-шоу обнажённых девушек в откровенных позах.

Так неловко... Всё-таки, лучше выйти.

Но Алекс меня заметил. Вздогнул, и тут же открыв другое окно на мониторе, шлёпнул пробел, запуская стоящее на паузе видео. Пихнул скетчбук под стопку с учебниками... А я в это время усиленно делала вид, что разглядываю что-то

там среди плакатов с военной техникой на стене возле его кровати. Тут же заметно стих ор в его наушниках, и для меня это послужило сигналом.

– Алекс, а ты что, поснимал часть плакатов?

Он сделал вид, что не слышит.

Господи, думала ли я когда-нибудь, что однажды меня застигнет врасплох ещё и такая проблема? Может, всё-таки лучше дать Нику инструкцию, о чём поговорить с сыном, чем попадать в такие ситуации? Ну и не входить больше в комнату, пока Алекс не разрешит, само собою.

– Алекс! А-а-алекс! – позвала настойчивее, и он сделал вид, что услышал. Театрально вздрогнул, повернулся ко мне. Стянул наушники.

– А, мам, не заметил, как ты вошла.

– Ты не оглохнешь, так громко музыку слушать?

– Да не, нормально.

– Смотри, аккуратнее. А я... – немного замялась, вспоминая, что брякнула впопыхах. – Я говорю, ты снял некоторые плакаты? Вроде больше было?

– Нет, все тут. – Алекс подошёл ко мне, сунул руки в карманы.

– А мне казалось, было больше.

– Нет.

– Мм... – Оба как пришибленные, но продолжаем ломать комедию. – Чем занимаешься?

– Да так, видосики смотрю.

– Кино какое-то?

– Нет, просто. Ютьюб.

– Мм... Войнушки опять, наверное? – легонько потрепала его волосы, и мы оба машинально глянули на экран.

А там какие-то мужики в униформе бегают. То ли служба спасения, то ли... И вдруг заставка во весь экран: герб с двуглавым орлом и восьмиконечной звездой на груди и надпись «МЧС России. Предотвращение. Спасение. Помощь» И снова какие-то мужики. Я подошла ближе. Сердце приятно запело. Наши. Родненькие.

– А, это служба спасения Российская, – прокомментировал Алекс. – Ей вроде двадцать лет в этом году исполняется, и у них там мода сейчас, они типа клипов делают из нарезок всяких. Ну, поздравления.

– Тебе нравится? Я имею в виду, сама эта служба?

Он дёрнул плечами:

– Ну так. Я бы в противогазе тоже побегал. Интересно, насколько это сложно. А вот, смотри, сейчас покажу тебе... – шустро сел в кресло, залез в какую-то папку, отыскал файл. – Я скачал даже. Там здорово придумали – спасатели из разных городов по какой-то своей фишке показали и потом в одно видео их все собрали. Смотри!

Запустил ролик. И действительно – что-то вроде коротеньких отрывочков по десять-пятнадцать секунд, на которых спасатели в полной боевой выкладке: во всех эти куртках, касках, масках, противогазах, в ранцах с баллонами за

спиной и Бог весть в чём ещё, показывают свои умения. Кто хватается руками за решётку радиатора пожарной машины и вопреки законам гравитации, силой одних только рук удерживает своё тело навесу параллельно земле. Кто преодолевает полосу препятствий, перепрыгивая на бегу барьеры в полроста высотой. Один мужчина сумел потянуть за собой грузовую машину на тросе. Другой отжимался от земли с хлопком руками перед собой на подъёме. Кто-то умудрялся во всей экипировке подниматься на одних руках по канату... И каждое короткое выступление подписано в углу экрана: Ростов-на-Дону или, там, Волгоград, или Курск, или Подольск... Ловкие, сильные. Настоящие мужчины! Загляде-ние! Я смотрела и любовалась. А на экране в это время оче-редной мужчина, теперь уже из Алматы, в полном пожарном снаряжении и противогазе рывком тянул с земли на грудь, а с груди на вытянутые над головой руки пожарную лестницу – целых три сложенных в один пролёт секции. И судя по его концентрированным, упругим движениям, весила она весь-ма нехило. А выжав так десять раз, он стащил противогаз и, улыбаясь в камеру крупным планом, поднял большой палец, что-то сказал и подмигнул. И снова заставка МЧС России.

– Ну всё, это конец, – выключил Алекс видео. – Здорово придумали, да? А обратила внимание, какое у них гро-моздкое снаряжение? Неужели нельзя его как-то облегчить? Кстати, а ты чего пришла-то, я думал, ты уже легла?

– А... – я с усилием расцепила стиснутые пальцы, – а я

это...

Да если бы я помнила, зачем пришла!

– Мам, ты в порядке?

– Да. Да... Я это... А ты не хочешь встретить Новый год на Красной площади?

Что?! Что я сказала? Или кто это сказал?! Вот и Алекс удивился:

– В смысле... В Москве?

И я поняла, что снова сцепила пальцы – до ломоты в суставах и впившихся в мякоть ладоней ногтей.

– Ну да, в Москве. Хотел бы?

– Было бы классно! Только... Ник разве разрешит?

А я просто забыла про Ника. За-бы-ла. Как-то так. Да.

– Не знаю, но почему нет? Нужно просто поговорить с ним. Главное, чтобы ты хотел.

– Я хочу.

– Ну и отлично. Тогда я попробую договориться. Доброй ночи, Алекс, и не засиживайся долго, ладно?

Вышла из его комнаты, бессильно облокотилась об лестничные перила. И вспомнила, что управляющая Галереей, где я работала, пригласила на завтра, всего на один час, чудо-человека из приехавшей на гастроли в Гамбург цирковой труппы. В качестве модели для позирования. Этот человек был знаменит своей способностью буквально завязываться в узел. Его тело было словно без костей, и это был действительно интересный опыт для рисования с натуры – как

для учеников нашей Галереи, так и для самих преподавателей. И я как раз-таки шла предложить Алексу поехать завтра со мной порисовать, ему бы понравилось. Но забыла об этом, как только тот спасатель из Алматы стянул противогаз.

Судорожно вздохнула и поняла, вдруг, что даже в груди больно – так бешено стучит сердце.

Изменился, конечно! Заметно возмужал. Лицо стало грубее, угловатее. Но глаза всё те же. И улыбка. И даже фирменный румянец на щеках.

Глава 7

Десять лет назад. Февраль 2000г.

Кристина?!

Я не то, что обалдела, а даже испугалась от неожиданности. Но тут же, со второй волной узнавания меня накрыло и радостью. Дикой. Безумной! Какие там к чёрту мысли? Ничего не было! Сорвалась с места... и словно наткнулась на требовательно вскинутую навстречу мне ладонь того типа с ледяным взглядом. И что интересно – сидел-то он аж шагах в десяти от меня, но послушаться безмолвного приказа было невозможно.

– Кристин... – только и смогла выдохнуть я, и она тоже вдруг очнулась, и, придерживая своё пузо-арбуз руками, в таком же стремительном порыве шагнула навстречу мне. Но мужик, резко двинув стулом по полу, преградил ей путь.

Она схватила его за плечи чуть повыше локтей, так, что из-за его широкой спины я видела только её тонкие пальцы с перламутровым маникюром, и полушёпотом взмолилась:

– Богдан, пожалуйста... Я в порядке, правда!

А он только приобнял её и, не говоря ни слова, требовательно, но аккуратно подтолкнул к выходу, по-прежнему прикрывая собою от меня, словно опасался, что я с ней что-то сделаю.

– Богдан, ну пожалуйста! Ну я прошу тебя! Это она! По-

нимаешь? Она! – слабо упираясь, упрасивала Кристинка.

От него – ноль эмоций. Просто довёл её до выхода и долбанул кулаком в дверь. Та тут же открылась и Богдан этот, настойчиво выталкивая Кристинку наружу, едва заметно повернулся ко мне:

– Здесь жди.

Вернулся минут через пятнадцать. Один. На меховом воротнике распахнутой куртки россыпь стремительно тающих снежинок. Сел напротив, через стол, вальяжно развалился на стуле и уставился мне в лицо. Молча. Изучая. А у самого – морда непробиваемая и аура такая... сильная. Даже упрямая. И ещё и шрам на брови добавлял ощущения какой-то лихой отморозенности. До мурашек под этим взглядом. Тяжело выдержать. Вдавливает. Руки огромные, кисти расплющенные, набитые долгими тренировками в зале. Или живыми драками, что скорее. Таким как он в глаза без приглашения не смотрят, это я знала от соседки по шконке, матёрой воровки-рецидивистки, любившей травить бандитские байки. Поэтому и не смотрела.

– Зовут как? – почти не разжимая губ, спросил он.

– Боброва Мария Сергеевна, – машинально выдала я, – семьдесят тре...

– Не, – шевельнул он пальцем, отменяя мой бред. – Настоящее.

Я и всё-таки посмотрела на него, не удержалась. И тут же снова уставилась в стол. Глазищи чернючие, а взгляд холод-

ный, как мертвец в холодильнике. Пробирает до костей.

И он и так всё про меня знал. Это было очевидно.

– Кобыркова Людмила Николаевна, семьдесят шестого года рождения.

Он кивнул, помолчал.

– Хорошо тебя заныкали, качественно. – И вдруг резко подался вперёд: – На волю хочешь?

– Да, – твёрдо ответила я. Потому что даже если он окажется зашанным, мне, после исчезновения Алёшки, терять больше нечего.

– Тогда сегодня ночью придётся умереть. Готова?

Хрен его знает, что это значит, но...

– Да.

Он дёрнул углом рта, изображая улыбку и, откинувшись назад, принялся расстёгивать ремень...

Внутри пряжки оказалась нычка, а в ней – три маленькие голубые таблетки. Ссыпал их в руку, скользнул повернутым ладонью вниз кулаком по столу, ко мне.

– Глотай сейчас.

Хотелось спросить что это. И что значит это вообще значит – умереть. И кто он вообще такой. И что будет дальше. И много чего ещё... Но это был не тот человек, у которого спрашивают, я чувствовала это каждой клеткой тела. Могла ли я ему верить? Нет. Никому нельзя верить. Вообще никому.

Разве что Кристинке.

Я протянула руку навстречу. Он сбросил таблетки мне в ладонь и тут же сжал её:

– Долг платежом красен, поэтому просто верь мне. Милаха.

Его пальцы оказались твёрдыми, но неожиданно горячими. Настолько, что когда он тут же убрал руку, мне даже стало зябко. И волнительно. Милаха... Как эхо из прошлой жизни. Как пароль к доверию.

Господи, если я умру, благослови и защити Алёшку! И, не давая себе времени на сомнения, я кинула таблетки в рот.

Он велел не бояться, и я старалась унять дрожь в руках. Он строго-настрого приказал помалкивать, и я весь вечер старалась быть естественной... хотя так хотелось подсесть на шконку к Марго и договорить всё, что не успели! Хотя бы руку ей сжать на прощание... Но мы только по обыкновению молча переглядывались. Я кричала ей взглядом: «Спасибо! Спасибо тебе за всё!»... Но она не слышала, и от этого хотелось выть.

Господи, и за Марго присмотри, пожалуйста!

Ещё он сказал, что с такой дозы прихода не будет – сразу коматоз. Но через какое-то время после отбоя я всё-таки почувствовала лёгкость во всём теле и счастливую радость... Которые тут же сменились дикими судорогами и болью.

И последнее, что запомнилось – это кружащий надо мной потолок и смертельное отчаяние в глазах Марго.

Очнулась в незнакомом месте. Сразу к обеим рукам прилажены капельницы. Башка, как колокол – такая же пустая и гулкая. В комнате никого.

Сначала ничего не могла вспомнить, даже себя. Тошнило. Сушняк такой, что аж дышать больно. Завозилась, застонала, и сразу прибежал какой-то мужик. Проверил системы, осмотрел меня: давление, сердцебиение, пульс, зрачки... Попросила пить – дал сделать несколько глотков и велел не напиваться сразу много, чтобы не вырвало. Я пожаловалась на то, что ничего не помню, он обещал, что это скоро пройдёт. Сделал какой-то укол, и я почти сразу уснула.

Мне снилась Кристинка. Мы с ней куда-то шли, и она рассказывала мне что-то про Ника, а я никак не могла вспомнить кто это. Тягомотный бесконечный сон, полный тревоги и попыток понять, что происходит.

Зато проснувшись, сразу вспомнила кто я. И Богдана этого и его голубые таблеточки. И как парила где-то в стратосфере и плакала, восхищаясь красотой земного шара: маленького, беззащитного и такого родного... А потом падала с огромной скоростью вниз – в боль и судороги, в обрывки фраз: Тридцать на пятьдесят... Падает... Адреналин... Не вытянет... Пульса нет... Ещё давай...

Открыла глаза. За окном светло, у столика в углу вчерашний мужчина, набирает что-то в шприц. Услышал, как я завозилась, обернулся:

– Ну как мы?

– Живая, – прошелестела я.

– Живая, – подтвердил он, и перетянул жгутом моё плечо. – Работаем кулаком... Отпускаем. Угу... – сосредоточенно вводил лекарство, поглядывая на меня: – Как самочувствие? Может в голову ударить, может жаром обдать, не пугайся.

– Обдаёт, – охнула я.

Он дежурно улыбнулся и, придавив место инъекции ватой, согнул мой локоть.

– В этот раз живая, а в следующий могут и не откачать. Поэтому мой тебе совет – завязывай. Наркотик не решает проблемы, и даже не облегчает. А тебе, по-хорошему, ещё жить и жить.

Мужчина периодически заходил ко мне, следил за давлением и пульсом. А когда за окном стало смеркаться, в комнату вошёл Ник.

Он был подчёркнуто дружелюбен, но словно растерян чем-то или напуган. А я... Я, несмотря ни на что, была ему рада! Он всё-таки сделал это. Всё-таки он не исчез – это был какой-то одному ему понятный план!

– Николос, Алёшка с тобой?

– Нет, он сейчас дома. Но ты не волнуйся, как только будут готовы твои новые документы, мы сразу полетим к нему.

– В смысле... Куда?

– В Гамбург. Тебе нельзя оставаться в России. Ты здесь... снова умерла.

Март 2000г.

Когда я вошла в комнату, Алёшка возился с игрушками и даже не заметил нас с Ником. Я замерла на пороге – как же он вырос, Господи! Родненький мой...

– Алёша... Сыночек, – осторожно позвала я, но Ник тут же поднял вверх палец:

– Алекс. Маша, его зовут Алекс, он привык к этому имени. Поэтому не надо никаких Алёшей, хорошо?

Резануло по сердцу чем-то таким непонятным и болючим...

– А меня зовут Мила, Николос. Маша, слава богу, умерла.

– Извини, – кивнул он, – это случайно. Просто привычка.

– Я понимаю. И знаешь, мне очень нравился Мила! Спасибо, что подобрал мне именно такое имя.

Ник снова кивнул, а я позвала сына:

– Алекс!

Он повернулся и замер, вглядываясь в моё лицо. Словно узнал, но не знает, как быть. Я присела, протянула к нему руки. Он отложил игрушку, поднялся... но подходить не спешил. Мне было больно от этого, но я знала, что всё перетерплю и всё исправлю. Но смогу ли я когда-нибудь исчерпать меру своей благодарности Николосу?

– Ну же, сыночек? Иди к маме?

Он поднял взгляд на Ника.

– Alex, du brauchst keine Angst zu haben. Geh zu deiner Mutter! *Алекс, не бойся. Подойди к маме! (нем)*

И только после этого Алекс подошёл. Я обнимала его и беззвучно ревела, и он обнимал меня – ласково, доверчиво.

– Мила, всё это время с Алексом общались только на немецком, – сказал Ник. – Он уже привык к этому, и я не уверен, что тебе стоит что-то менять.

«Но как же так, Ник? Ты же обещал мне, когда уезжал! Ты же говорил, что не дашь ему забыть!...» Но я, конечно, не сказала этого, только зажмурилась, сильнее прижимая Алёшку:

– Как же мне быть, Ник? – слезы текли градом, я сталась прятать их от сына, но не могла утаить от Николоса. – Мне что, совсем не говорить с ним?

– Учи язык, тем более что без этого тебе не дадут гражданство.

– Но это же время, Ник! А сейчас как быть?

Он задумчиво посмотрел на нас и недовольно вздохнул:

– Хорошо, мы посоветуемся с детским психологом. Но ты завтра же запишешься на языковые курсы.

Психолог не рекомендовал, говоря, что это вызовет нагрузку на детскую психику. Поэтому я днями и ночами учила язык. И вопреки мнению специалиста всё-таки говорила с Алексом на родном, когда оставались наедине. И конечно, этого не удалось скрыть, ведь он довольно быстро стал пу-

таться в разговоре, намешивая в одну фразу оба языка сразу. Ник был недоволен, иногда высказывал мне это, но чаще молчал. И я тоже молчала, и приглядывалась к нему. Пыталась понять, как быть, как себя вести.

Николос, хотя и скрывал, но явно не был в восторге от того, что мы поженились. Кажется, фрау Хельга и герр Томас – его родители, и те были спокойнее, заняв позицию деликатного невмешательства. Родная сестра и двоюродные братья настороженно приглядывались ко мне, и я до конца не понимала их эмоций, но была благодарна уже за то, что они тепло общались с Алексом и иногда приводили в гости своих детей, с которыми сынуля очень даже ладил. А вообще семейство оказалось демократичное. Никаких навязчивых вопросов обо мне и моей семье, о том где жила и, например, придут ли на свадьбу мама с папой. Поначалу даже казалось, что им просто нет до меня дела, и только много лет спустя я поняла, что это было проявлением уважения к моим личным границам – черта присущая, кажется, всем Трайберам их рода. А вот сам Николос вызывал у меня много вопросов, но я закрывала глаза на его отстранённость, и конечно не пыталась сблизиться насильно. Мне вообще важнее всего было просто быть с сыном.

И всё-таки через четыре месяца после регистрации брака у нас с Ником случился первый секс. И так и пошло. А через год и вовсе – наладилось.

Потом был экзамен на знание языка, который я сдала с

первого раза. Новые курсы – теперь уже на более высокий уровень и, параллельно с этим, уроки рисования в частной школе искусств. Сначала любительские, а потом, когда я сда- ла необходимый минимум академического рисунка – общий курс. И всё это с подачи и огромных финансовых вложений Николоса. Мне иногда даже дышать было страшно рядом с ним – вдруг он исчезнет, как счастливый сон?

Так и тянулось: курсы за курсами, повышения за повы- шениями – вот и гражданство получено, вот и высшее обра- зование в Дрезденской высшей школе изобразительного ис- кусства, вот и работа появилась, водительские права, первая машина... Разве я могла мечтать об этом, прозябая у себя в общаге?!

Потом Алекс закончил начальную школу, я нашла себе русскую подругу Катю, Ник – немецкую любовницу Анну... и так далее, и так далее...

И за всё это время мы с Ником только один раз затрону- ли тему моей прошлой жизни. Вечером после регистрации брака я спросила у теперь уже законного мужа, могу ли я на- писать письмо маме? И он ответил, что писать некому. При- знался, что умолчал тогда в тюрьме о том, что через год по- сле моей «смерти» мама с мужем и маленькой дочкой пере- брались в деревню Разгуляевку, а через полгода, в первые же зимние холода, сгорели все вместе ночью от неисправной печи.

Мне не было мучительно больно, ну то есть вот так, чтобы

на разрыв. Только в душе вдруг разверзлась пустота и тупо заболело сердце. Но слёзы не хлынули. Даже не выступили. Может, это от того, что давно не виделись, может, зона убила во мне что-то живое? Или сказалось то, что отношения с матерью никогда не были особо близкими? Я только спросила – а что с бабушкой? И Николос ответил, что даже не слышал о ней.

Поначалу, провожая Ника в очередную командировку в Россию, я нет, нет да и заикалась, полушутя, о том, что хотела бы поехать с ним, что сидела бы там ниже травы, тише воды... На что он всегда реагировал очень остро, раздражённо бросая полушутливые фразы о том, что он даёт мне всё что может здесь, в Германии, но совершенно не готов противостоять из-за меня русской мафии там, в России. «Русская мафия» звучало в его устах слегка пренебрежительно, слегка предосудительно, но неизменно резко. Даже со страхом, что ли. Видно, моя история всё-таки произвела на него очень глубокое впечатление. И он не хотел говорить ни о моём чудесном освобождении, ни о том, кто такой Богдан и почему Кристина так больше и не вышла со мной на связь. А я и не настаивала, понимая, что, несмотря на то, что родной берег окончательно потерян – жизнь продолжается. Продолжается в любом случае. Денис был прав.

И всё-таки был период, в 2007 году, как раз после знакомства с Катей, когда я, поддавшись её влиянию, зарегистриро-

валась в Российских соцсетях – Одноклассниках и Вконтакте. Катя не знала мою настоящую историю, поэтому я легко выбрала первый пришедший на ум город, с чистой совестью назвалась Камиллой Ивановой и, для верности, поставила на аватарку такую фотку, что сама себя не узнавала. А потом, урывками выбирая время и прячась от мужа, просматривала всех имеющих в сети Машковых Елен, Алексеев Савченко и даже Наташек Барбашиных. А ещё, до кучи, всех кого помнила. Нашла некоторых одноклассников, походила по их страничкам, посмотрела фотки. Но, увы, так и не нашла тех, кого так хотелось.

Эти поиски были похожи на паранойю, я даже во сне копалась в соцсетях и отчаянно боялась, что об этом прознает Ник. Надежда и желание найти хоть кого-то из самых близких друзей бередили душу, раз за разом заставляли переживать то, о чём так настоятельно советовали забыть психологи... И я сумела-таки побороть эту зависимость и, прекратив напрасные усилия, забросила свои соцсети.

Глава 8

Декабрь 2010г.

...Так значит, Алматы? Ну что ж. Там я, кстати, не искала, даже в голову такое не пришло. Да и сейчас особо не буду – зачем? Так, просто... Одним глазком.

Но ничего не нашла. В смысле Лёшку. Хотя с меня такой поисковик, что... Если бы не Катя, которая, несмотря на поздний час, примчалась ко мне по первому же зову, я бы, наверное, и свои старые аккаунты восстановить не смогла. Она посмеивалась надо мной, мол, ну как можно быть такой отсталой в плане виртуальной жизни, у тебя, вон, ребёнок больше знает и умеет! А я только нервничала и поглядывала на часы. Тут бы с реальной жизнью разобраться, какие, нафиг, соцсети?

Но неожиданно затянуло. Как и в прошлый раз, я мгновенно увязла в просмотре страничек своих одноклассников. Их стало гораздо больше, чем в две тысячи седьмом, но среди них по-прежнему не было Ленки. А потом до меня дошло, что ищу-то я Машкову, а она, наверняка, уже давным-давно замужем и сменила фамилию. Тогда Катя подсказала искать среди «друзей друзей». И я снова кинулась в пучину, чувствуя себя неопытным следопытом. Терпение и труд – всё перетрут, и я бы обязательно чего-нибудь нарыла... вот только времени у меня на это было катастрофически мало.

В тот же вечер, проводив Катю, я завела разговор о поездке в Москву с мужем, и он сразу же встал в позу. Я ожидала это, даже Алекс ожидал, чего уж там, но всё равно заупрямилась. На самый бесючий вопрос Ника «Зачем тебе это?» мне так и хотелось воскликнуть — «Да потому что!», и в этом ответе были бы все мои доводы сразу, просто Нику надо было бы суметь проникнуться их глубиной... Но увы, это было невозможно. И чтобы добиться понимания немца мне и самой приходилось быть немкой. И я действовала методами самого же Ника: призывом к логике, обоснованием своего мнения и манипулированием вопросами прав свободы личности.

— Ну ты же сам неоднократно бывал в Москве, Ник! Причём с пятнадцати лет, так ведь? Наверняка это был для тебя интересный опыт и приключение? Да, я понимаю, что это была работа твоего отца, но ведь он не тащил тебя с собой насильно? Ты сам хотел побывать там, да? Вот и Алекс хочет! Потому что это естественное желание, Николос! Такое же естественное, как и желание побывать в Париже, Лондоне, Будапеште или Мехико! Да где угодно! Это наш мир! Что плохого в том, чтобы его увидеть?

— Ты прекрасно знаешь, Мила, что Россия, это, увы, вовсе не та страна, где стоит побывать непременно. Мы с тобой оба это знаем. А новый год можно встретить и в Бангкоке, например! Море, солнце, фрукты — чем хуже? Или тебе нужен снег? Можно отправиться в Швейцарию или в Финляндию.

Куда захочешь!

– Ник, мне обидны твои слова. Я ведь, если ты помнишь, русская. И Алекс, кстати, тоже! Но, несмотря на это, я уже давным-давно Камила Трайбер, и в Москве буду всего лишь иностранной туристкой. Что в этом такого ужасного?

И когда Ник наконец согласился, что нет причин упираться, я, как та старуха из сказки Пушкина, решилась попытаться выпросить больше:

– Только, Ник... мы с Алексом поедem на машине.

– Исключено. Даже не обсуждается! – тут же повысил он голос. – Если вы и едете, то только на моих условиях! Так что я возьму вам туристические путёвки с перелётом бизнес классом и проживанием в отеле де-люкс в центре Москвы. Тридцать первого с утра отправитесь отсюда, первого, второго и, ладно уж, третьего побудете там, и обратно. И я считаю, что этого более чем достаточно.

– Но Ник, раз уж Алекс впервые едет в Россию, и непонятно, когда попадёт туда вновь, я хочу чтобы он увидел страну, а это невозможно из самолёта! Вспомни, ты же сам когда-то восхищался красотой России! Тем более, сейчас зима, и действительно есть на что посмотреть!

– Мила, ты ведь прекрасно понимаешь, в чём истинная причина того, что тебе лучше не возвращаться туда, да? – напрямую спросил он.

– Да Господи, в чём, Ник? – чем больше он упрямился, тем сильнее во мне разыгрывал нестерпимый бунтарский

огонь. Я словно почуявшая свободу птичка не хотела даже слышать о том, что за пределами клетки меня может поджидать гибель. Бросалась на её золочёные прутья, и каждое «нет» Николоса вместо голоса разума вызывало во мне всплеск злости. – Я уже десять лет, как Трайбер! Пятнадцать, как не Кобыркова! Россия изменилась за это время, разве нет? Или, думаешь, меня там по-прежнему кто-то караулит? Глупости! – нервно рассмеявшись, заметалась по комнате. – Глупости! У меня не осталось близких, а бывшим знакомым уже давно нет до меня дела. А если возникнут вопросы, я просто могу сказать им, что всего-навсего уехала тогда из страны и понятия не имею, почему они записали меня в погибшие. Недоразумение и всё – вот что я могу сказать! Но не придётся, Ник, потому что уже никому нет до этого дела. Даже мне, если честно! И только ты один упрямисься! – замерла, чувствуя, как гудит в висках перевозбуждённая кровь. Меня реально несло, и какой-то частью сознания я понимала это, но остановиться уже не могла. Слишком сладко пьянила мысль о том, что уже послезавтра я могу оказаться на родине. Нужно только проявить настойчивость. – Так что это, Ник? Ревность? Ты ревнуешь меня к моей стране? Ты настолько не уверен в себе? Так может, это тебе надо к психологу?

Николос разозлился и, не пожелав продолжать разговор, хлопнул дверью. Лёг в гостевой. Н-да. Кажется, я всё-таки перегнула, надо было соглашаться на самолёт.

И я лежала полночи без сна, и думала – а какого чёрта, вообще? Неужели его мнение может стать для меня решающим? С чего вдруг? Разве я много хочу? Или хочу чего-то из ряда вон? Нет! Всё дело исключительно в его дурацком упрямстве! Но даже если он снова попытается манипулировать тем, что не отпустит со мной Алекса, я могу поехать одна. Ведь могу? Что сделает Ник, человек, который так упорно не хочет развода? Разведётся? Смешно.

А потом, замучавшись ворочаться с боку на бок, встала и потихоньку спустилась вниз, в свою маленькую студию.

Вспоминала, что показывала мне Катя и упорно пыталась разобраться, как работает Вконтакте. В итоге, результат поиска не выдал ни одного Алексея Савченко и Елены Машковой на всю родную сто пятнадцатую школу, по нулям и на физкультурный институт и технарь, и никого в строго указанном возрастном промежутке. А так, если на весь город и без конкретных данных, то пять Елен и восемь Алексеев. И даже если предположить, что Ленка давно уже не Машкова – это всё равно уже что-то. Помнится, в две тысячи седьмом и этого не было.

В первую очередь полезла по Лёшкам. Но всё не он. Очень жаль.

Потом по Ленкам. Четыре из них точно не то, и одна непонятная. На аватарке – мультяшная принцесска, раздел с подробной информацией толком не заполнен, а то, что написано – всё ерунда какая-то. Всего шесть друзей, среди них три

подростка, две тётки и мужик. Состоит в четырёх группах. Две из них совсем нейтральные, что-то вроде «Мир на ладони» и «Веселья вагон». Третья, не говорящая ни о чём конкретно, но навевающая мысли о материнстве – «Детки-конфетки». А вот четвёртая – «Призвание Экономист» – неожиданно заставила замереть. Глупо, правда же? Как будто экономика, это какая-то уникальная примета Машковой!

Но я снова полезла к ней в профиль. На стене всего с десяточек постов: несколько подборок ландшафтного дизайна; парочка крылатых фраз от великих людей; приколы с котятами и всё такое. Самый верхний пост – фотография мальчика примерно полутора лет, со смаком терзающего огромный, разрезанный на две части арбуз. Забавный такой мальчонка... Каюсь, я изучила его вдоль и поперёк. Но не похож он на Машковых, ни капли!

Дата последнего визита – аж полгода назад. Все посты выложены незадолго до этого, с интервалом в один, два дня. Ну понятно. Примерно тоже самое, что и с моими заведёнными, но успешно заброшенными три года назад аккаунтами. Катя называет такие дохлыми.

И всё-таки сердце билось чаще. Наверное, мне так хотелось найти хоть кого-то, что я была готова поверить в невероятное. Написать ей сообщение? Спросить, та ли она Елена? А не странно это? И, к тому же, если и та – как она на меня отреагирует? Скажет, чего надо этой немке...

Я подошла к окну, приоткрыла его, впуская свежий воз-

дух. Голова была тяжёлой, наконец-то захотелось спать, но интерес не отпускал. А что, если прикинутся ну, например, журналисткой или, там, писателем, или сотрудником немецкой патриотической организации, который ищет родственников героя афганца Машкова? Да что угодно можно наплесть, и чем невероятнее, тем лучше! И просто спросить, не дочка ли она ему, под предлогом, например, желания взять интервью.

Это враньё? Не совсем. Скорее игра. Николос сотни раз проделывал такое, когда ещё работал в журналистике. Окажется, что это Машкова – отлично! Буду знать, что это она и тогда уже решу, что дальше. Не Машкова – ну тоже хорошо! Буду знать, что это точно не она...

Первым делом исправила в своём профиле город Пермь на Гамбург. Тут же пришлось и «Камила Трайбер» писать латиницей, иначе система не давала сохранить изменения. Залезла в компьютер, отобрала из сделанных мною же фотографий виды города, загрузила. Потом ещё парочку кадров с официальных мероприятий добавила и интерьерчиков офиса Ника – для солидности. Весь текст и описания – на немецком. Получилось очень даже. Вполне можно предположить, что за всем этим стоит серьёзный человек. На аватарку – чужое фото. Потом добавила группы, видео, музыку...

Уже перевалило за три часа ночи, а я всё сидела. Меня захватила эта игра. Я словно создавала параллельную реальность, а на самом деле... На самом деле тянула время, ведь

я отчаянно боялась что-то писать этой Елене.

В дверь тихонечко стукнули. Я тут же закрыла соцсеть и развернула на весь экран папку с фотографиями выставок.

– Да?

Это был Ник. Тоже не спит, оказывается. Переживает из-за ссоры? Эта мысль как-то вдруг слегка отрезвила. И действительно, моя реальная жизнь – вот она. Спокойная, стабильная. И вроде бы даже наладившаяся. А там... фантом. И нужно ли мне это? Не знаю. Просто влечёт туда, как бабочку к огню. Снова.

– Почему ты не спишь? – подходя ко мне со спины, спросил Ник.

– Работаю, – соврала я. – Завтра последний день подготовки экспозиции для выставки в Саратове.

– А тебе оплачивают работу в ночное время?

– Это моя инициатива, Ник. Коллеги работали даже на следующий день после Рождества, пока я отдыхала в Куршевеле. Теперь нужно и мне, иначе совесть мучает. А ты почему не спишь?

– А ты как думаешь?

– Ник, я вспылила, извини. На самом деле я вовсе не думаю, что ты не уверен в себе. Знаю, что это не так, просто... Просто вспылила. Извини.

Помолчали.

– Но мне, правда, не понятно твоё упрямство! Как будто я собралась в какую-то горячую точку, где идут боевые дей-

ствия. Но это всего лишь мой родной город!

– То есть, как я и понял сразу, Москва – это только предлог? Ну и зачем тебе это? Чего не хватает здесь?

– Ну как же ты не понимаешь, Ник? Москва не предлог, а скорее вишенка на торте. А вот проехаться по стране и навестить родные места – это как коржи, без которых не будет самого торта, понимаешь?

Ник не понимал. Для него эти метафоры были слишком аморфны. А может, и просто прикидывался.

– К тому же, сам подумай – Алекс имеет полное право хотя бы увидеть родину своих предков, раз уж он не живёт на ней. Тебе так не кажется? И я тоже имею право навестить её. Прийти на могилу к матери, например. Сына привести на могилу бабушки. В чём проблема? Хочешь, поехали с нами, так даже лучше будет.

Конечно, я так не считала. В идеале, я вообще хотела бы очутиться там совсем одна. Просто пройти по знакомым улицам, по значимым местам. Поговорить с ними. Вспомнить. Попытаться почувствовать самое ценное, что возможно, ещё осталось в памяти и в сердце. Но и Алекс мне не мешал, наоборот – было бы интересно посмотреть на его реакцию. А если бы ещё и общага оказалась на месте, это вообще стало бы аттракционом!

А вот Ник однозначно был бы там лишним. Но он категорически отказался ехать, и я заранее знала, что так будет, потому и предложила. Называется – почувствуй себя такой

же дрянью, как маэстро Князев...

– Тогда как же нам быть, Ник? Ты и сам ехать не хочешь, и мне не даёшь. Разве это отношения свободных личностей?

– Мила, – он положил руки мне на плечи, потянулся пальцами под волосы, – я просто волнуюсь. Не забывай, что ты, вполне возможно, уже беременна.

– Глупости, Ник! Я выносила Алекса в таких условиях, что никакая поездка в комфортном авто с этим не сравнится. Всё? Это единственная твоя причина?

Он прижал мой затылок к своему животу, погладил волосы.

– Скажи честно, там ты собираешься рассказать ему о его отце?

– Что? – я растерянно обернулась. – Даже в мыслях не было! Но если бы и так, что тут такого? Просто абстрактный русский отец обрёл бы, наконец, лицо. К тому же, Денис всё-таки был военным, да ещё и героем, и Алексу это должно понравиться. Почему нет? Может, это станет для него новым импульсом к развитию?

Ник помолчал и, убрав руки с моих плеч, отошёл.

– Да что не так, Ник? – Я тоже встала. – Ты же сам рассказал Алексу, что не являешься ему родным! Но для него по-прежнему есть только ты, это же очевидно! Чего ты боишься? Нет, ну правда, я не понимаю тебя!

– Я боюсь, что ты не вернёшься, Мила. У меня есть ощущение, что я тебя теряю. И мне очень не хочется этого, вот

и всё.

Он сказал это так спокойно, но так обречённо, что мне стало его жалко.

– Господи, Ник, ну что ты такое говоришь! – я прильнула к нему, обняла. – Ну как не вернусь? А куда я денусь? У меня же кроме тебя и Алекса никого в целом свете! Здесь мой дом, работа, друзья, семья. Всё здесь! К тому же, Ник, я прекрасно помню, что ты сделал для нас с Алексом! Ну перестань. Что значит, не вернусь?

Он обнял меня в ответ, прижался лбом ко лбу:

– Обещай, что вернёшься.

– Гарантирую, Ник! – рассмеялась я. – Сам подумай, во-первых, здесь нас будешь ждать ты, во-вторых, у Алекса с седьмого января уже начинается учёба, ну и в-третьих – у меня виза всего на тридцать дней! М? – Разряжая обстановку, я игриво прикусила мочку его уха. – А-а-а... Я, кажется, поняла, почему ты настоял тогда на том, чтобы я всё-таки получила гражданство! Вид на жительство тебя не устраивал тем, что ты опасался, что я могу сбежать, и затеряться в необъятной России, да? – снова куснула.

– Нет, Мила. Это нужно в первую очередь тебе, для того, чтобы ты могла участвовать в выборах и референдумах государства, в котором живёшь. Ответственная гражданская позиция, только и всего.

Ну... Вообще-то я пошутила, Ник. Но ладно.

– Хорошо, теперь я активная гражданка. А что ты ска-

жешь на счёт поездки, мой герр законный супруг? Отпускаешь?

Он скользнул пальцами по вырезу пеньюара, раздвигая шёлковые полы, под которыми белела невесомая ночная сорочка.

– Нам обязательно нужен ещё один ребёнок, Мила. Давай договоримся, что как только ты вернёшься, мы займёмся этим вопросом вплотную. Клиники, доктора – всё как положено. Хорошо?

Ответ неожиданно застрял где-то в горле. Я дежурно ластилась к мужу, позволяя ему сминать в ладонях груди и задира́ть подол халатика. Целовала его губы, выгадывая время. Вот только, что выгадывать-то? Скажи «нет» и всё. Ну? Не можешь? Тогда скажи «да». Не хочешь? Но тогда, как ты собираешься жить дальше?

– Клиники, доктора – всё, как положено, Ник!

Достаточно нейтрально? Ника, судя по всему, устроило. Странно. Его внутренний юрист теряет хватку?

– А сейчас пойдём наверх, и продолжим начатое, да? – спросил он в ответ.

– Хорошо. Я только сохраню проект, ладно?

– Давай, но не долго.

Он ушел, а я, запахнув пеньюар, кинулась к компьютеру. Нетерпеливо барабанила пальцами по столу, дождалась, пока загрузится соцсеть, нырнула в аккаунт той Елены. Ну и что? Пишем?

А пишем! Чего нам терять?

«Здравствуйте, Елена! Прошу прощения за беспокойство! Я Камила Трайбер, журналист немецкого молодёжного издания «Internationaler Heldentum»⁷, собираю информацию о герое войны в Афганистане полковнике Машкове Денисе Игоревиче. Раньше он жил с вами в одном городе и носил такую же фамилию, как у вас. Скажите, может ли быть так, что вы с ним являетесь родственниками? Тогда я имела бы смелось попросить вас об интервью о нём. Пожалуйста, очень жду вашего ответа»

Немного зависла, держа палец над «энтером»... И щёлкнула. Всё. Теперь пусть будет так, как будет.

Пока выключала компьютер и переживала по поводу того, что уже порядком задержалась, подумалось, вдруг, что Денис бы, например, однозначно оприходовал меня прямо здесь, в угаре страсти, и только потом пошёл бы спать, тогда как Ник занимался сексом исключительно в постели. Скучно? Не то слово! Иногда до бесючки! Но зато Ник никогда не поставил бы на коленки малознакомую пьяненькую девочку в два раза младше себя, даже если бы она была ему симпатична. Он однозначно выбрал бы для этого другое место и время – просто из уважения к ней. А ведь тогда с Денисом, за Удачей, речь шла даже не о симпатии, и уж тем более не о уважении, а всего лишь о том, что «Кто девочку ужинает, тот её и танцует» И почему я не понимала этого раньше?

⁷ «Internationaler Heldentum» – «Международный героизм» (нем)

Глава 9

Выехали в шесть утра тридцатого декабря и, обойдя по касательной Берлин, через четыре часа уже въехали в Польшу. Ещё через восемь часов, лишь два раза остановившись на заправке чтобы залить бензина, прекусить и немного отдохнуть, благополучно миновали Польско-Белорусскую границу. В Волковыске, маленьком Белорусском городке до боли похожем на любой маленький городок России, сделали остановку на ночь. А в шесть утра тридцать первого числа, ещё по темноте, рванули дальше, и к одиннадцати были уже на Российской границе. И хотя всё, что я видела, проезжая Белоруссию, отчаянно напоминало мне Россию – только теперь сердце сжалось по-особенному. Накопившаяся усталость мигом исчезла, а по крови пополз трепет. И в нём были и волнение, и страх, и нетерпение.

На границе застряли в очереди на досмотр. Машины ползли еле-еле, создавалось впечатление, что там на всю заставу работает всего один таможенник, да и тот сонный... Время поджимало. Нервничала я, нервничал Алекс. Прогнозов не было никаких – только надежды на то, что Новый год не придётся встречать в дороге.

Алекс, с самого начала не оценивший мою идею ехать на машине, и до этого-то с недовольным видом заткнув уши наушниками и практически не глядя по сторонам, полпути

просидел в телефоне, а теперь и вовсе избурился. И я его, если честно, понимала. Мы могли бы быть в Москве ещё накануне к обеду, если бы полетели, как и настаивал Ник, на самолёте. И уже посетили бы десяток-другой достопримечательностей, будучи при этом бодрыми и свеженькими. Сейчас же мы больше походили на биороботов с квадратными задницами, уж я не говорю про свою общую усталость и стремительно понижающийся уровень внимательности. Я уже пару раз проскакивала нужный поворот, уходя на развязках не на ту линию. Один раз даже пришлось сделать из-за этого крюк в почти тридцать пять километров, о чём я предусмотрительно промолчала, боясь новых возмущений Алекса. Так что да, сына я понимала... Но сама кайфовала! Вот только не хотелось бы всё-таки испоганить Новый год, встретив его на трассе.

Около двух часов дня мы наконец-то прошли таможню. И я почти сразу ощутила разницу с Европой, и даже Беларуссией. Моя красавица Хонда, попав в колею, отчаянно цепляла брюхом несчищенный снежный горб, местами прямо-таки рискуя повиснуть на нём, а там, где снег неожиданно превращался в подтопленную реагентами слякоть – я и вовсе теряла контроль над управлением. Один раз даже чуть под фуру не влетела, благо Алекс в тот момент дремал, а когда очнулся от резкого броска, ничего не понял. Я же с трудом добралась до съезда с трассы и остановилась. Вышла из машины. Меня трясло. Я и представить себе не могла, что это

может быть так сложно. Самонадеянно посчитав, что вся дорога будет похожа на немецкий автобан, я планировала часам к пяти вечера тридцать первого числа уже заехать в гостиницу в Москве, немного поспать и выдвигаться на Красную площадь. Но время был уже седьмой час вечера, снова спустилась эта долбанная темнота, да ещё и снег пошёл, а мы были всего лишь где-то в Подмосковье... И ведь ничего не сделаешь, надо брать себя в руки и ехать дальше.

Проверила сотовую связь – по нулям. Ну извини, Ник, вечерний созвон отменяется. Допила кофе из термоса, покидала снежки в ствол придорожного дерева. Даже сумела взять на слабо Алекса и тоже заставить его размяться, подышать кислородом.

И снова в путь.

И всё-таки я смогла! Минут двадцать двенадцатого, когда все нормальные люди, уже нарядившись и проведив старый год, сидят за столами, готовясь встретить новый, мы с Алексом ввалились в гостиницу. Благо номер был забронирован заранее!

На стойке регистрации купила местную симку, сразу же позвонила Николосу. Не ответил. Ладно. Кинула СМС о том, что добрались нормально и, даже не приняв душ и не переодевшись с дороги, потащила Алекса на Красную площадь, благо, что до неё от нашей гостиницы всего десять минут быстрым шагом.

Москва была другая, совсем не такая, какой я помнила её по кадрам из телевизора или своей единственной поездки сюда на конференцию. Страхнувшая с себя эклектику и доморощенный шик девяностых в стиле «дорого-богато», осознавшая, наконец, себя в статусе новой страны и нового времени, она словно превратилась из гадкого утёнка в лебедя. Иногда даже казалось, что я где-то в Европе, настолько Москва была благородная, нарядная, осыпанная огнями и шумным весельем! Алекс тоже, похоже, думал, что это будет нечто совершенно особенное, – может, матрёшек ожидал или медведей с балалайками? – а увидел нечто привычно цивилизованное. Но он всё равно с любопытством озирался и всё пытался остановиться, чтобы сфотографировать то то, то другое на свой Nikon, но я не давала ему, всё тащила за собой, понимая, что не успеваем...

И действительно, с Красной площадью едва не случился облом. Она была настолько переполнена народом, что на неё уже не пускали. И только в последний момент толстенный полицейский, услышав, как я по-немецки прошу Алекса не расстраиваться, широко улыбнулся:

– Дойчи?

– Ja, wir sind Deutsche! – с готовностью отозвалась я. – Können wir durchkommen?⁸

Сомневаюсь, что он понял меня, но всё-таки махнул ру-

⁸ Ja, wir sind Deutsche! Können wir durchkommen? – Да, мы немцы! Можно, мы пройдем? (нем.)

кой, пропуская нас под рамку металлоискателя:

– Ну ладно, идите. С наступающим, Дойчи! Раша форевер! Хеппи нью ир!

– И вас с наступающим! – забывшись, радостно взвизгнула я, и он только беззлобно развёл руками.

И вот когда мы вошли на Красную площадь, где народу было столько, что не протолкнуться, когда Алекс увидел Кремль и собор Василия Блаженного вблизи, а ещё каток, гигантскую ёлку и всё-таки матрёшек в человеческий рост, и даже медведей – он просто обалдел. Я смотрела на него и радовалась – мне удалось! А что чувствовала сама – до этого сейчас не было времени... Этого даже касаться не хотелось, было страшно – настолько сильно оно раздирало меня изнутри, грозило прорваться то ли слезами, то ли сумасшедшим смехом.

...С шумной весёлой толпой орали во всё горло, считая удары курантов, потом добрых минут пять смотрели грандиозный фейерверк, поздравляли друг друга, случайных прохожих, и сами получали поздравления и объятия незнакомых людей...

В гостиницу вернулись около двух ночи, едва живые от усталости, но довольные. Тут же набрали Николоса, у него Новый год как раз только-только должен был наступить. Поздравления, пожелания, наставления, обещания, благодарность...

Спать, господи, спать!..

Мне снилась Красная площадь, салюты и кутерьма человеческих лиц. Потом я потеряла в ней Алекса и бегала, искала, проклиная себя за дурацкую идею ехать в Москву. А потом во всей этой толчее встретила вдруг Ленку – ту ещё Ленку, одноклассницу лет девяти... за руку с отцом. Денис был в смешной меховой шапке, с усами и красными от мороза носом и мочками ушей.

– Люда, привет! – увидев меня, пискляво закричала Ленка и потащила Дениса за собой, ближе ко мне. – Пап, это Люда, мы с ней в одном классе учимся!

– Здравствуй, Люда, – широко улыбнулся он, отчего усы встопорщились, и я увидела в них капельки влаги, под самым носом. – На пятёрки, надеюсь, учишься? На вот, держи! – и протянул мне мандарин. Теплый такой, ароматный, из кармана. – С Новым годом!

– С новым годом, – несмело ответила я. Неужели он меня не узнал? Или только сделал вид, потому что Ленка рядом? Или просто я теперь совсем другая?

А они уже исчезали в толчее. Я поспешила следом, пытаясь не потерять из виду широкую спину Дениса и белоснежную кроличью Ленкину шапку с помпонами, и в памяти вдруг всплыло чётко, как молитва: «От Павелецкого – в метро на Замоскворецкую линию, и до Тверской. А оттуда – к памятнику Долгорукому. Там тебя будут ждать...»

Проснулась в девять утра, как-то сразу. Просто открыла глаза и лежу, прислушиваясь к сопению Алекса. Голова тя-

жёлая, надо бы ещё поспать, но на сердце как-то тоскливо. Денис... Было в этом сне что-то такое знакомое, как будто я его уже видела раньше. И усы его эти дурацкие с конденсатом, и красный нос, и меховую высокую шапку, и мандарин – особенно мандарин, я ведь тогда их только на новый год и видела – две штучки в школьном подарке с ёлки...

И осыпало вдруг мурашками – это не сон был, а воспоминание! Настолько далёкое, настолько стёртое временем, но самое настоящее. Это год восемьдесят пятый, наверное, ещё начальная школа. Мы вывалили тогда гурьбой из Дворца Пioneров, с Ёлки, и строились по парам, чтобы идти обратно в школу, когда за Ленкой неожиданно пришёл отец. Вот именно такой – уса́тый и дово́льно худо́й. Совсем другой. И Ленка действительно сказала ему, что мы с ней в одном классе учимся, и он действительно спросил меня про пятёрки, а я застеснялась и ничего не ответила. А он подарил мне мандарин. Это было, точно! Недавно, но так давно... Как будто та девчонка – и не я вовсе, а тот мужчина – не будущий отец моего сына. Как жаль то время, какое оно было счастливое...

Следующий раз проснулась ближе к двенадцати, разбудила Алекса. И мы с ним до самого вечера бродили по улицам и даже прошли тем самым маршрутом, что неожиданно всплыл в памяти этой ночью: Замоскворецкая, Тверская, памятник Долгорукому...

Денис сказал тогда, отправляя меня в Москву: «Может на год, может на два... Как пойдёт», и мне казалось, что это

нереально долгий срок, казалось, невозможно его пережить! А вот теперь, пятнадцать лет спустя, я шла этим маршрутом рядом с сыном-подростком и пыталась представить себя восемнадцатилетней девчонкой... И не могла. Может, Алекс без конца отвлекал расспросами, но, скорее всего, я и не хотела на самом-то деле.

Меня захлестнуло ощущением свободы и чего-то настолько светлого впереди, что от нетерпения чесалось под ложечкой. Я была счастлива здесь и сейчас, как, пожалуй, ни разу за последние Бог знает сколько лет. Поразительно... Я просто шла по улице и была счастлива без всяких условий! Прошлое больше не болело. Оно приятно грело самое доньшко сердца, но не щемило уже, не тянуло назад. Зато впереди призывно расправляло свои горизонты будущее.

Глава 10

Рано утром второго января выехали в направлении моей малой родины. Предстоящий путь страшил, шутка ли – тысяча с лишком по российским дорогам! Теперь-то я понимала, во что ввязалась, поехав за рулём, но отступить было поздно. И глупо. Больше тяготило то, что Алекс так толком и не увидел Москву. Я словно обманула его.

Он тоже не понимал, что происходит. Куда опять едем, зачем? А я только обещала, повторяла как мантру, что ему там понравится, обязательно понравится... И даже думать боялась о том, что он обо мне подумает, приехав на место. Но меня влекло туда – непреодолимо, настойчиво. Так, словно без этого визита вся остальная поездка становилась бесполезной. И я просто положились на интуицию.

В родные пенаты въехали около одиннадцати вечера. Здесь, в отличие от Москвы, зима была слякотная, грязная. Окраина города серая, тёмная, а центр нарядный. Впрочем, как всегда. В этом плане за минувшие годы ничего не поменялось. Сил что-то особо рассматривать не было, из желаний только одно – помыться и спать. И всё-таки я упрямо проехала мимо ЦУМа, поплутала, не понимая, как добратся до белокаменки, а когда добралась – не узнала её. некогда шикарный, элитный квартал казался теперь стеснитель-

ным простачком по сравнению с выросшими вокруг многоэтажками с огороженными заборами территориями вокруг и шлагбаумами на въездах.

Я остановилась у подъезда, в котором когда-то жила, вышла из машины. Сердце ёкнуло и замерло. Всё постарело, но узнаваемо. Даже каштан, под которым мы с Максом пили коньяк, на месте – но теперь уже огромный, раскидистый. Я задрала голову, всматриваясь в окна четвёртого этажа, в те самые окна... Кто там теперь живёт? Ленка? Нелли Сергеевна? Или совсем чужие люди? Шторы другие. А как внутри, интересно? Тоже, наверняка, всё иначе. Нестерпимо, прямо-таки до трясучки захотелось подняться.

Хлопнула пассажирская дверь.

– Мам, мы приехали?

– Почти. Смотри, Алекс, я здесь когда-то жила. Вон там, – указала пальцем вверх.

– Это твой дом?

– Ну, как сказать... – слегка замялась, но тут же усмехнулась: – Да нет, не мой. Я жила там временно, всего пять месяцев.

Но именно там был зачат ты...

– Ну, это совсем мало. А потом?

– Переехала.

– Куда?

Я погрызла губу, вспоминая, пытаюсь почувствовать связь с тем временем... Слабо. Очень слабо. Больше накрывало

трепетом от осознания того, что когда-то я ходила здесь дурра-дурой, но считающей себя довольно-таки умной, а теперь показываю эти места своему сыну. Его сыну. Могла ли я тогда хотя бы представить это? Однозначно нет. И вот сейчас это было похоже на попадание из точки А в точку D, минуя В и С. Словно не было никакого *между*. И от этого лёгкий шок.

– Не важно. Просто в другое место, – наконец ответила я. – Ну что? Поехали в гостиницу?

Направилась не куда-нибудь, а в Интурист. Жаль не помню, какой номер был за Денисом, только этаж. Пятый.

– А я знаешь, что помню? – неожиданно сказал Алекс, когда мы выехали со двора белокаменки. – Из детства. Из очень раннего детства.

Интересно. Раньше он никогда не заводил такие разговоры.

– Что?

– Детскую площадку. Там горка была такая высокая, и я её боялся. Мне один раз приснилось, что я на неё залез, а слезть не могу, а ты уходишь. И я тебе кричу, чтобы ты подождала, а ты не слышишь меня, и я стал спускаться и упал, а она смеялась.

– Кто, горка?

– Угу. Я понимаю, что звучит как бред, но тогда было очень страшно. А ещё помню скамейку, она такая высокая была, и ты на ней сидела, а я не мог, но хотел. И я просто

ходил возле неё туда-сюда... Она была полосатая, синяя с жёлтым.

У меня даже дыхание перехватило.

– Ты не можешь этого помнить, Алекс! Тебе тогда всего два года было.

– А я помню! У неё ещё внизу, под досками болт такой большой прикручен был, и я пытался его забрать, но не мог. И я, наверное, психовал из-за этого, потому что меня наказывали – закрывали в туалете. А там труба всё время гудела, и я думал, что это бабайка сердится. Знаешь, как страшно было! И ещё, мне казалось, что я никому не нужен.

– Какой ещё бабайка? – проглотив ком в горле, как можно беззаботнее улыбнулась я.

– Которым пугала тётка такая, толстая. Она ещё глаза синей губнушкой красила. Её все дети боялись. Надя звали, точно помню.

Я тоже помнила. Это была нянечка из дома малютки. И она действительно мазала веки жирными перламутровыми голубыми тенями. Вот только я не знала, что они были в форме помады, хотя и видела такие в Галантерейном, ещё на воле, в самом начале девяностых... Так значит, она пугала Алекса, двухлетнего малыша, бабайкой? И в сортире запирала? Сучка. А в лицо мне сюсюкала, думала, что я, как и Марго, блат у начальства имею...

– А ещё что помнишь?

– Ну... Тётеньку такую, с короткими волосами. Она очень

худая была и у неё глаза были чёрные-чёрные. Она мне печенье давала.

Я взяла паузу, прежде чем ответить. По-другому никак. Слишком остро.

– Это твоя крёстная, Алекс. Маргарита. Она была моей очень хорошей подругой, а ещё – первым учителем по живописи и рисунку. И твоим, кстати, тоже. Она так балдела от твоих каракулей, ты бы видел!

– Крёстная, серьёзно? А где она сейчас?

– Не знаю. Так получилось, что... кхм... – слезы душили, – что жизнь нас развела. Что ещё помнишь?

– Тебя помню.

– Правда? И какая я была?

– Ну... Всё время грустная. И волосы под косынку убирала. И вообще много таких женщин помню, с косынками. Я иногда даже путал их с тобой. Один раз побежал навстречу такой и только в самом конце понял, что это не ты. А Надя засмеялась, и мне так обидно стало. Я упал на задницу и решил, что ни за что не встану...

– И что?

– Да ничего. Заперли, как обычно, в туалете. А я там, кстати, мыло лизал.

– Чего-о-о? Зачем?

– Не знаю. Оно лежало на полу, возле унитаза, на тарелочке какой-то. Такое, знаешь, коричневое. На шоколадную конфету похожее. И я лизал. Оно сначала кислое, а потом

противное...

– О, Господи, Алекс... Им, наверное, горшки ваши мыли, а ты...

И мы рассмеялись.

– А ещё там, между окном и шкафом, стояло ведро, а в нём порошок белый. И он вонял туалетом.

– Как это?

– Ну такой, резкий противный запах, не знаю, как объяснить. Им особенно воняло после того, как полы мыли. А ещё, его, кажется, в унитазаы насыпали, и он от этого шипел.

– Ну понятно, это хлорка. Надеюсь, её ты не лизал?

– Лизал.

– Чего?!

– Ну то есть, я хотел лизнуть, но он так вонял, что я чихнул, а потом вдохнул эту пыль и у меня в груди всё болело. Особенно когда кашлял.

Я была в шоке. По крови стремительно расплзалась бес- сильная ярость.

– Алекс, а почему ты раньше мне это не рассказывал?

– Не знаю. Чтобы не расстраиывать тебя. – Помолчал. – Мам... А это правда, что ты хотела меня бросить?

– Чего?!

– Надя говорила, что если я буду кашлять, ты родишь себе другого, послушного мальчика, а меня отдашь бабайке. И я иногда лежал в постели и держался изо всех сил, чтобы не кашлять, а потом начинал задыхаться и всё равно кашлял,

так сильно, что один раз даже подушка кровью испачкалась. А Надя сказала, что теперь ты точно меня отдашь. А потом, когда ты меня всё-таки отдала, я с одной стороны очень скучал по тебе, а с другой – радовался, что не бабайке, а Нику. Он же мне паровоз тогда подарил, помнишь?

Я не выдержала, резко тормознула у обочины и заревела. Я ведь всегда понимала, что ему плохо в колонии, но чтобы настолько?! И ведь это ещё не детский дом! На зоне я хотя бы была рядом и хоть как-то мешала творить беспредел. Но помогло ли мне это, когда Алекс на целый месяц загремел с той непонятной пневмонией в больницу? Тогда, когда ему лёгкие промывали от гноя и говорили мне, что, возможно, это туберкулёз... А он, похоже, просто сжёг их, к чёртовой матери, вдохнув сыпучей хлорки. А если бы не вдохнул, а всё-таки наелся её? Они сказали бы, что, похоже, у него обострился гастрит или язва прободилась? У ребёнка двух с половиной лет, да?

Но ведь и это ещё не всё! «Когда ты меня всё-таки отда-ла»... А ведь со стороны тогда казалось – он малыш совсем, ничего не понимает и так легко отвлекается на новые игрушки... И ведь я его действительно просто отдала. Незнакомому дядьке предложила! На чужбину отправила! Да, я сделала это от отчаяния и желания спасти, но оправдывает ли это меня в его глазах? Сможет ли он когда-нибудь понять цену этого решения? И нужно ли ковырять эту правду или достаточно того, что мы всё-таки вместе и у нас всё хорошо?

И какое же счастье, Господи, какое же счастье, что этим «дядькой» оказался именно Николос! И сколько терпения, заботы и денег он вложил в нас с Алексом, в совершенно посторонних для него людей. Да что там деньги – он жизнь свою под нас перекроил! А я с Князевым связалась, дурочка... Вот тебе и русская неблагодарность, о которой так любит философствовать Ник.

В Интуристе тоже всё было почти по-прежнему. Более современно, конечно, но в целом... Те же колонны в холле, те же зеркала во всю стену и канделябр под потолком. Правда ковровая дорожка на ступенях теперь не бордовая, а чернильно-синяя, но всё-таки она по-прежнему есть.

Ещё выезжая из Москвы, я знала, что буду заселяться именно сюда, и хотела попросить номер именно на пятом этаже. Думала, вдруг достанется тот самый, что был тогда за Денисом, вот было бы интересно увидеть его снова!

Но теперь, после так внезапно накрывшего меня озарения по поводу роли Николоса в нашей с Алексом судьбе, мне стало стыдно от этого желания. Ну, в самом деле, если уж откровенно, чего я хочу? Попытаться поймать за хвост воспоминания о той ночи, когда пьяный Денис привёз меня сюда, намереваясь наказать? «Оттрахать, как дешёвую проститутку, заплатить и выкинуть на хер» – так он, кажется, объяснил это чуть позже, когда я развела его на откровенность в машине, после заварушки в Лёшкином подъезде? А за что наказать-то? За своё ущемлённое самолюбие? За то, что по-

смела ему соврать? За то, что я, девочка-дурочка, ровесница его дочери, между прочим, постеснялась убогости своей настоящей жизни и придумала приличных папку и мамку, квартиру в нормальном доме и институт вместо технаря? За это?! Господи, да где здравый смысл-то? И был ли тот принц на чёрном коне, – тот, от которого моя голова шла кругом, и сердце переставало биться, – и в самом деле принцем? И кого мне теперь вспоминать, оказавшись в том самом номере, кроме как вспыльчивого любовника, который, пусть и невольно, но столкнул меня в яму, из которой потом доставал не кто иной, как Николос?

Бросьте, фрау Трайбер. Имейте гордость и уважение к мужу!

Поэтому, решительно отбросив эту идею, я доверилась случаю, и нас с Алексом заселили на третий этаж. На последнем издыхании позвонила Николосу и, отчитавшись о поездке, неожиданно для себя, совершенно искренне призналась:

– Знаешь, Ник, если бы у меня была возможность загадать одно-единственное желание, я бы загадала оказаться сейчас дома, рядом с тобой. Я очень по тебе соскучилась!

Он немного помолчал и, наконец, ответил:

– Я тоже. И ты всё-таки зря поехала на машине. Самолётом было бы быстрее, я предупреждал.

Если честно, я, конечно, хотела бы более эмоциональной реакции с его стороны, но и сдержанное «Я тоже» меня не обидело. Это же Николос. Он такой. И с этим можно пре-

красно уживаться, так же, как и с его чрезмерной удобой, например.

Проснулась по привычке около семи утра. Безумно хотелось плюнуть на всё и, раскинувшись снежинкой, спать до бесконечности, а ещё – на массаж спины бы сходить... Она так и не расслабилась за ночь, осталась напряжённой до ноющей ломоты. Мысль о том, чтобы сесть за руль вызывала такое отторжение, что хоть реви! А мысль о предстоящих трёх с лишним тысячах километров обратно до Гамбурга и вовсе повергала в шок. Вот это я втюхалась со своей самонадеянностью! А отдыхать некогда! Я и так сильно облажалась.

Вот как, спрашивается, я планировала время? Где были мои мозги? Сегодня утро третьего января, а уже седьмого – всего лишь через три дня, у Алекса начинается учёба. А это значит, что, по-хорошему, выезжать домой надо бы уже завтра рано утром, а лучше – сейчас. Но это было выше моих сил.

Мне так хотелось спокойно походить по улицам города, обязательно съездить к своей общаге, к стадиону на Ленина, к технарю, к овощному, где работала мама... Да много куда! Но вместе с этим, нужно было обязательно добраться до Разгуляевки, сходить на родные могилки, показать бабушке правнука, маме – внука. А ещё, я ведь хотела добраться и до городского центрального кладбища. Я не знала, где точно похоронен Денис, но предполагала, что, скорее всего, на

центральной аллее, там, где находят своё последнее пристанище все «знаменитости» нашей провинции. Герой войны, это же знаменитость, правда? Или нет? Или перед гибелью его успели очернить настолько, что не удостоили даже посмертными почестями?

В общем, затея была спорная, на неё можно было потратить много времени, но так и не получить результата. К тому же, как-то так вышло, что к утру моя решимость непременно «познакомить» Алекса с Денисом сильно пошатнулась. Возможно, после вчерашнего разговора с Ником и всех этих мыслей о наших отношениях?

Поездка не складывалась, чего уж там. Нужно было бы ограничиться Москвой – посетить побольше достопримечательностей, как следует напитаться атмосферой праздника, отдохнуть и тогда уж, без всякой суеты, возвращаться домой. Сейчас же, мало того, что я собственными руками увеличила путь больше чем на две тысячи километров в общей сложности, устала сама и измотала сына, так мы ещё ничего толком так и не увидели! И вот, вдобавок ко всему этому, – так ли важно рассказывать Алексу об отце именно сейчас? Отвечать на вопросы, которые непременно возникнут, создавать напряжение в отношениях с Ником, который, хотя и не стал противиться, но был явно недоволен моим намерением? Может, имеет смысл сделать это дома, в кругу семьи? Дать Нику, как фактическому отцу, это право – рассказать о биологическом?

Одна часть меня, та, что бережно хранила память о Денисе и, несмотря на все мои «взрослые» прозрения о сути наших отношений, сохраняла глубокое к нему уважение, противилась такому решению, говоря, что мы уже здесь, и визит на центральное кладбище – сам по себе самодостаточная, достойная цель всей этой поездки, а может, и самая важная. Другая же часть, та, что до сих пор не могла отойти от ужасов, рассказанных накануне Алексом, и всё ещё обалдевающая от внезапно расширившегося масштаба поступка, совершённого ради нас Николосом, советовала не придавать важности тому, что на самом деле не так уж и важно, и вместо этого собрать остатки силы в кулак и метнуться до Разгуляевки, на могилки мамы и бабушки.

Но была ещё и третья часть – тот самый глубоко уставший нытик, который вообще не хотел никуда ни идти, ни ехать, справедливо указывая на то, что моя самонадеянность уже привела меня к состоянию хронической усталости и страху предстоящей дороги домой. «Спи, давай, – говорил он. – А потом просто погуляй по городу в своё удовольствие. Серьёзно, не порть поездку дебильным упрямством. Просто вернитесь сюда снова, во время весенних каникул, и завершите начатое. Пятнадцать лет ждало, и ещё пару месяцев подождёт, ну? То-то же! Так что, спи, давай! А, кстати, следующий раз исключительно самолётом, ясно?»

Следующий раз проснулась ближе к полудню. Алекс, сидя у себя на кровати, уже во всю рубился в войнушку в моём

нетбуке.

– Доброе утро, сынуль.

– Привет, мам. Мы есть сегодня будем?

– Конечно, – улыбнулась я. – Прости, меня вырубило после вчерашней дороги. Сейчас очухаемся и сходим, прогуляемся, заодно и местечко пообедать найдём, да?

– Ты же опять куда-то ехать хотела?

– Нет. Другой раз. Давай сегодня просто отдохнём, м?

– Отлично! А то я прям задолбался, если честно. Ты только не обижайся, мам, но я так и не понял прикола в том, чтобы ехать на машине.

– Если честно, я просто облажалась, Алекс. Только не сдавай меня Нику, скажи, что тебе понравилось, ладно?

Он состряпал хитрую рожу:

– Это будет дорого стоить!

– Ах ты... шантажист мелкий! – смеясь, я кинула в него подушкой. – Иди, умывайся, ребёнок! Стой! Подай мне ноут.

Пока он валандался в душе, я проверила электронку и зашла во Вконтакте. Там меня поджидал сюрприз – эта непонятная Елена Машкова с принцесской на аватарке, что-то ответила. Я открыла сообщение, и сердце обмерло. Коротко и ясно:

«Здравствуйте. Герой афганской войны Машков Д.И. – мой отец»

Глава 11

Когда мы с Алексом, наспех пообедав в кафе при гостинице, садились в машину, снег ещё только начинал кружить красивыми редкими хлопьями. Теперь же он не просто валит – заметал. Неожданная и не очень-то приятная перемена погоды, во всяком случае, для тех, кто в пути. Благо мы уже подъезжали.

Сердце стучало где угодно, только не в груди: то испуганно проваливалось в пятки, отчего слабели колени, то вдруг возбуждённо ударяло в виски, и тогда я задыхалась от волнения. Наверное, всё ещё можно было повернуть назад и, возможно, это было бы правильнее, чем продолжать ломать комедию. Но какой смысл теперь снова и снова задаваться вопросами «Зачем» и «Ну и что дальше», если дело практически сделано?

Я заигралась, признаю. Но с другой стороны, эта игра ни к чему не обязывала. С самого начала было понятно, что если Ленка окажется той самой Машковой, то решит ли она дать мне что-то типа интервью или не решит – мы всё равно пообщаемся с ней в сети, да и разойдёмся на вежливых «спасибо – до свидания». Зато я знала бы наверняка она это или нет, и где её можно, если что, найти. И, возможно даже, когда-нибудь потом решилась бы выйти из тени. Всё. Никакой конкретики.

Но сегодня будто звёзды сошлись! И мало того, что Ленка оказалась той самой и успела ответить мне, до того, как я рванула обратно в Гамбург, так она ещё и на контакт шла неожиданно охотно! Поздравляла с Новым годом, рассказывала о России, спрашивала о Германии, легко ввязывалась в болтовню на отвлечённые темы. Параллельно с этим, я видела, как она загружает на свою страничку новые фотки каких-то бесконечных детей разного возраста, и как растёт число «друзей» её профиля. Типичная картина внезапно ожившего аккаунта, я и сама несколько дней назад была такой же.

Алекс изнывал от голода, а я всё не могла отлипнуть от нетбука. Переписка то шла бодро, то останавливалась, когда Ленка не открывала мои сообщения по пять–десять минут, а я в это время как сумасшедшая разрывалась между душем и стоящим на подзарядке ноутом, и умоляла сына потерпеть.

Потом Ленка спросила вдруг, пишу ли я через переводчик или знаю русский, и я поняла, что в угаре беседы перестала ломать фразы, создавая видимость автоперевода, и призналась что «немного говорю по-русски и вообще часто бываю в России». А Ленка совершенно по-простецки предложила вдруг: «Будете в наших краях, обязательно заезжайте к нам! Мы всегда рады гостям» И я сначала чего-то испугалась, а уже в следующий миг поняла, что это снова звёзды сошлись. И разорвать этот неожиданный контакт, просто закончив его дежурным «спасибо», теперь было бы глупо. Нужно было ре-

шаться сейчас.

Я начинала писать ответ раз десять, стирая и набирая текст заново, но в конечном итоге, так и не смогла признаться, кто я. Просто ответила, что, по удивительному стечению обстоятельств, именно сейчас нахожусь в её городе... И замерла в ожидании. Ленка же, прочитав моё сообщение, надолго замолчала вдруг, а потом и вовсе вышла из сети. Ну что ж. Я бы тоже напряглась, если честно. Ведь одно дело вежливая гостеприимность, и совсем другое – истинная готовность к личному знакомству.

В непонятных, слегка растрёпанных чувствах я успела и высушить волосы, и накраситься, и одеться, потратив на это не меньше сорока минут, когда, уже выключая нетбук, увидела оповещение о только что прилетевшем новом сообщении:

«Камила, мы с мужем посоветовались и хотели бы пригласить вас на чай к нам домой, сегодня. Вы сможете? Правда, мы живём не в городе, а в области, и вам придётся часа два добираться на такси. Но мы были бы рады, если бы вы приехали. А заодно, вы смогли бы взять то интервью»...

И вот мы с Алексом подъезжали к Чернышкам, небольшому посёлку, расположенному километрах в ста восьмидесяти от города и ещё пятнадцати в сторону от трассы. Раньше я никогда здесь не бывала, хотя и знала, что поворот на Чернышки делит путь от городского автовокзала до бабушкиной Разгуляевки на две примерно равные части.

Алекс с самого начала был не в восторге от новости, что опять куда-то едем, и даже больше: он психанул и заявил, что останется ждать меня в гостинице. А я, перевозбуждённая внезапным контактом – не с кем-нибудь, с Ленкой! – будто потеряла разум и, хотя и попыталась скрыть внезапно набежавшие слёзы отчаяния, но не сумела. И Алекс растерялся, прогнулся, а я, хотя мне и было стыдно, нагло воспользовалась этим.

И надо отдать ему должное, он довольно стойко переносил очередную «непонятно куда и зачем» дорогу, но ровно до тех пор, пока внезапно не исчез интернет. Алекс в этот момент активно переписывался с кем-то, судя по улыбочке – с Селеной, и тут такой облом! А потом я ещё и чуть не застряла в небольшой, переметённой снегом балке... Особо газовать не рисковала, боясь сжечь коробку-автомат, поэтому только до боли в глазах всматривалась в лобовое, пытаюсь разглядеть в снежной кутерьме изгибы дороги, и в который раз за последние дни ругала себя за самонадеянность. Не поездка, а сплошное безумие какое-то! Вернусь в Гамбург и до самого лета пересяду на такси, точно!

– Отлично, мам! – сердито плеснул масла в огонь Алекс. – Идеальный сценарий: поехали в Россию, застряли в сугробе, и ночью нас сожрали волки! Или вообще – медведи!

– Какие волки – медведи, Алекс? – примирительно фыркнула я. – Они здесь не водятся!

– Тогда просто околеем от холода! Тут не то, что интер-

нет, тут даже телефон не ловит, мам! Нас теперь только весной найдут!

— Не каркай... — буркнула я, молясь про себя, чтобы под нетронутым снегом не оказалось вдруг какой-нибудь ямы поглубже.

Выбравшись из балки, мы поехали вдоль поля, отгороженного от дороги густой стеной лесопосадки. Благодаря ей ветер поутих, поэтому и перемётов не было, и даже можно было бы поддать газку... Если бы моя Хонда не была такой низкой.

Потом показалось какое-то хозяйство: ангары, техника, заборы. И, что удивительно, там кипела работа — сустился транспорт, выпускала мощные клубы пара высокая труба, ходили люди и брехали собаки. И это третьего-то января! В русском селе! Видел бы это Николос, ему бы точно пришлось пересмотреть некоторые свои стереотипы.

В районе этого производства наша дорога влилась, наконец, в другую, расчищенную, свежепропечатанную протекторами большегрузов. Я невольно рассмеялась: навигатор провёл меня от трассы до посёлка таким вилючим маршрутом по грунтовке, словно специально хотел показать Чернышковские уголья, и я уже понимала, что и в сам посёлок, похоже, будем заезжать откуда-нибудь с задов.

И так оно и вышло. Нужный дом оказался в аккурат на окраине. Вот только, хотя и увидели-то мы его, несмотря на пургу, издавека, но, прежде чем подъехать, сделали ещё

огромную петлю вокруг заснеженного озера.

Вблизи дом оказался прямо-таки огромным и каким-то таким... Добротным. Без выпендряжистых башенок или, там, фигурных балкончиков, но зато с большими горящими тёплым светом окнами, с украшенным весёлыми разноцветными гирляндами фасадом и гордо реющим по ветру российский флагом на крыше. Так мило – до улыбки. Вот только мне не улыбалось... Немного не доехав до ворот, я остановилась. Бросила руль, судорожно сцепила пальцы. Меня не просто колотило – расшибало на части. Больше всего хотелось рвануть отсюда, пока не засекли и, заныкавшись где-нибудь в уголке, тупо пореветь, от невыносимого напряжения. А ещё – чёрт возьми! – выкурить сигаретку. Или даже две! И это совсем уж хреновый симптом, ведь я не сорвалась на курево даже на зоне.

– Мы кого-то ждём? – не понял моего манёвра Алекс. – Ма-а-ам?

Вот и попробуй, пореви тут, с таким контролем, ага. Постоянно держать себя в руках, Боже, как я устала от этого! Как хочется напиться и закатить истерику на пустом месте, а успокоиться только после того, как кто-то большой и сильный возьмёт на ручки и, погладив по головке, шепнёт, что я его маленькая любимая девочка, а всё остальное – не важно... Вздохнула и заставила себя расцепить пальцы.

– Нет, сынуль, мы приехали. Сейчас я, одну минутку... Просто волнуюсь немного.

– Почему? Кто тут вообще живёт?

– Ну... – И вот опять, чем я думала? Не хотела лишних вопросов, а сама, как последняя дура, привезла его туда, где без них не обойтись. И чего я теперь боюсь больше – того, что это обидит Николоса, или того, что Ленка нас не примет? А ведь, и то и другое глупо, потому что всё уже давным-давно случилось, и ничего уже не изменить. – Здесь живут родственники, Алекс. Твои. Ну и мои, наверное, тоже... Наши.

Ворота открыли два парня в наспех наброшенных куртках с капюшонами и в валенках. Валенках! Я прямо-таки почувствовала, как замер, увидев это Алекс, и даже испугалась, что он полезет за своим фотоаппаратом.

– Здравствуйте! – отворачиваясь от пурги, бодро крикнул один из мальчишек, едва только, поставив машину рядом с заснеженным внедорожником, я вылезла на улицу. Ленкин сын? Сколько ему, лет одиннадцать? Он протянул мне руку: – Я Антон. Как доехали? Как вам наша зима?

– Спасибо... – слегка обескуражено сжала я его ладонь. – Немного поплутали по полям, а вообще нормально.

– А! Это потому, что вы сразу за старым ПМК свернули, – шурясь на ветру, пробасил второй парень. Ему было лет семнадцать, значит, точно не Ленкин. Может, мужа? От первого брака, например. – А надо было чуть позже, тогда по главной бы доехали, она прямая и её чистят. Правда, там сейчас камаз сломался, прямо в балке, отец как раз вытягивать его поехал. Я Мишка. – И он решительно сунул руку Алексу. –

Sie sprechen Russisch?⁹

Алекс, такой же растерянный, как и я, пожал ему руку и кинул на меня полный немых вопросов взгляд.

– Миша, Алекс очень хорошо говорит по-русски, – улыбнулась я. – Просто мы, если честно, в шоке от погоды. А ты что, говоришь по-немецки?

– Немного. В школе учу.

– Пойдёмте! – спохватился младший и потащил меня за руку к дому. – Мама ждёт. Все ждут!

– Вообще, у нас там, за домом, навес есть, только там отцова тачка сейчас стоит. Он вернётся, загонит её в гараж, и вы сможете переставить туда свою, – пропуская нас с Алексом вперёд, деловито сообщил старший. – А то занесёт совсем. Вы же к нам с ночёвкой?

Пацаны были разговорчивые и такие деловые! Маленькие мужички прям. Сходу располагали к себе.

– Нет, сегодня нам нужно обязательно вернуться в гостиницу, мы завтра рано утром уезжаем домой.

– В Германию?

– Ну да.

– М... А у вас там снег бывает?

– Конечно. Но не такой как здесь. Совсем немножко.

– А правда, что у вас там мужчины могут на мужчинах жениться? – неожиданно встрял младший, и тут же получил шлепок по заснеженному капюшону от старшего:

⁹ Sie sprechen Russisch? – Ты говоришь по-русски? (нем.)

– Ты дурак совсем? Вы на него не обращайтесь внимания, он иногда со странностями, а вообще нормальный.

– Могут, – ответил вдруг Алекс. – Что тут такого?

И тут уж мне захотелось шлёпнуть и его тоже, и попросить не обращать на него внимания, потому что, он тоже вообще-то нормальный...

Смысл выражения «Ступить некуда» я, кажется, в полной мере осознала только теперь, когда шагнула с улицы в коридорчик, этакий предбанник перед входом в основной коридор. Пол его был сплошь заставлен детской обувью: сапожки, ботинки, валенки, тапки – чего тут только не было! И девчачьи и пацанячьи, и «маленькие» и «взрослые», как будто в этом доме прямо сейчас собрались дети и подростки со всех Чернышковых.

А ещё, моё внимание сразу же привлекли самодельные новогодние плакаты, покрывающие стены этого коридорчика: деды Морозы, Снегурочки, зверушки, снеговики, ёлочки, снежинки, звёздочки; стишки, поздравления, пожелания и наставления – и всё это в мишуре и блёстках! От них шла такая мощная аура детства, доброты и веры в чудо, что аж в носу засвербело, и сама по себе растянулась улыбка. В этом доме явно знали толк в гостеприимстве и праздничном настроении.

Первое, что мы увидели, шагнув из предбанника в дом – огромная нарядная ёлка. Она занимала добрую половину

пространства просторного холла и стояла не где-нибудь в уголке, а прямо по центру! В следующий же миг я услышала хихиканье и из-под неё выпорхнули и, шкодливо оглядываясь на нас с Алексом, куда-то умчались две девчушки лет по пяти, а из-за двери, за которой они скрылись, тут же раздался задорный детский смех, и народу там было явно больше двух. Пахло хвоей и застольем, в атмосфере витали добротный домашний уют и радостная суета.

– Мариша? – снимая куртку, крикнул Мишка. – Где ты есть? Встречай!

И не успела я ещё расстегнуться, как рядом оказалась девушка неопределённого возраста. Ей легко могло бы быть как восемнадцать, так и двадцать пять, например.

– Здравствуйте, – стеснительно пряча взгляд, улыбнулась она, и, вынув из зеркального шкафа плечики, протянула руку: – Давайте, я повешу. – Голос такой тихий и скромный.

– Здравствуй, – улыбнулась я в ответ, ненавязчиво приглядываясь к ней, хотя и с первого мгновения было понятно, что она с небольшими особенностями развития. Возможно одна из форм аутизма, но при этом девушка явно была хорошо социализирована. – Как дела?

– Хорошо, спасибо. Давайте, я повешу... – это уже к Алексу. И в это мгновенье откуда-то сбоку с заливистым хохотом снова порхнула и тут же исчезла за ёлкой стайка детей, а на задетой ими разлапистой ветке весело зазвякали стеклянные шары.

И меня вдруг обсыпало мурашками, так много души и гармонии было в том, что нас окружало!

– Пойдёмте, – легким жестом невесомо-тонкой руки поманила нас Мариша. – Не бойтесь. – Словно ласково уговаривая. – Пойдёмте.

А мне даже как-то неловко стало. Столько детей в доме, Новый год на дворе, а мы без подарков... И за всей этой приятно обескуражившей меня картиной, я уже совершенно забыла *куда* приехала и *к кому*. Волнение и тревога предстоящей встречи исчезли. Я приобняла Алекса за плечи и мы пошли вслед за Маришей.

За ёлкой оказались распахнутые двустворчатые двери, а за ними, в просторном зале с высоким потолком, ещё одна ёлка, правда уже значительно меньше и на этот раз в углу. А ещё – длинный, щедро накрытый стол, явно поджидающий гостей. И дети. Везде дети. Господи, да сколько их тут?!

– Здра-а-а-асти... – дружно загалдели они со всех сторон, и я остановилась, чувствуя, что не могу и не хочу держать улыбку, слегка поклонилась всем сразу:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, Камила! – донеслось откуда-то со стороны. – Вы их не бойтесь, они шумные, но воспитанные. Вы проходите, проходите...

И с этими словами показалась и сама Ленка с маленьким, младше года, точно, ребёнком на руках. И кто бы знал, как при виде неё защемило у меня в сердце! Ни вдохнуть, ни

выдохнуть...

В нарядном и в то же время невычурном тёмно-зелёном платье, приятно располневшая и повзрослевшая, она казалась такой уютной и тёплой, что к ней просилось одно только слово – Мама. От той тощей оторвы, которой я её запомнила, остались разве что золотисто-пшеничные волосы, да и те теперь были длинными и собранными в обычную, но такую милую и идеально подходящую её образу косу.

Господи, как же мне её, оказывается, не хватало все эти годы!

– Мы уже боялись, что вы передумаете ехать, так замело вдруг, что...

Она оторвала, наконец, взгляд от малыша и посмотрела на меня. Её радушная улыбка на мгновение стала ещё шире, а потом дрогнула, замерла в мучительном узнавании... и поползла на убыль. По щекам мгновенно разлилась бледность и тут же, на смену ей стали разгораться малиновые пятна под скулами. Сползлись к переносице, прочерчивая строгий залом, брови и так знакомо сердито поджались губы...

– Привет, – как-то глупо и, пожалуй, виновато, попыталась улыбнуться я, но Ленка только сильнее прижала к груди ребёнка, словно защищая, и наконец хрипло выдохнула, как пощёчину дала:

– Очень смешно... Браво!

И, ни разу больше на меня не взглянув, устремилась к выходу. Я машинально сделала шаг назад, пропуская её в

дверь, и так и осталась стоять прибитая этой странной долгожданной встречей, словно бетонной плитой. Впрочем, думаю, Ленке было не легче.

Глава 12

Конечно, первой реакцией было тоже развернуться и уехать. Дыхание перехватило, и это был не просто пресловутый ком в горле – мне словно удавку на шею накиннули. Незабываемое, надо сказать, ощущение собственной никчемности и бессилия.

Но это же я. У меня же чем хуже ситуация, тем я непрощаемее. Упрямее. И злее.

Уехать, да? А с какой стати? Я не денег займы просить пришла, не в родственнички набиваться. И с Денисом я не за бабки была и не из шалости. Я любила его. Любила! Пусть и недолго, но, может, так, как Ленкина мать и за двадцать лет не смогла! И отгребла я за это по самое не могу. Так неужели я до сих пор должна перед кем-то оправдываться?

Впрочем, Ленкина правда была в том, что я действительно зашла не с того края. Вместо того чтобы прямо написать «Привет, я Кобыркова», я добрых полтора часа пудрила ей мозг, прикидываясь журналисткой. И это действительно не смешно, особенно если учесть, что расспрашивала я её о Денисе. Эта шалость воняла цинизмом, признаю. И думаю, если бы не дети, Ленка с удовольствием завернула бы меня матом.

Ладно. Сама заварила, сама разгребу. Часа четыре, а то и пять, в запасе ещё есть.

Ходила по залу, рассматривала рисунки на стенах. Мариша тенью скользила за мной, тихонечко комментируя:

– Это Алечка рисовала... Это Илюша... Это Тамарочка...

– А ты рисуешь? – повернулась я к ней, и Мариша тут же смутилась и не ответила. Я улыбнулась. Ну конечно она рисует. – Покажешь?

– Хорошо...

Она ушла, и я осталась сама по себе. Опустилась в кресло и, нервно поглядывая на часы, принялась наблюдать.

Дети были разные, но дружные. Четырнадцать человек в зале, но не факт, что это все. Например, встречавшего нас на улице Мишки не было. Среди прочих выделялись два рыжих солнышка лет по восьми, явно близнецы – брат и сестра. Был мулат с шапкой мелких иссиня-чёрных кучеряшек и корейка, со следами операции по поводу заячьей губы. Две девочки-подростка сидели чуть в стороне ото всех и, хихикая, бросали любопытные взгляды на Алекса. А он с серьёзным видом рассказывал что-то встречавшему нас во дворе Антону. И вокруг всего этого возилась целая ватага малышни от трёх до семи лет. Мне казалось, я нахожусь в птичнике – настолько плотным и по-детски звонким был гомон в комнате. Семейный детский дом? Очень на то похоже. И с одной стороны неожиданно, а с другой – я почему-то даже не была удивлена. Наоборот, это очень хорошо ложилось в контекст Ленки. Интересно, среди этих деток есть её кровные?

Кстати, она что-то долго отходит от шока. Ещё чуть-чуть,

и я сама пойду её искать.

В какой-то момент один из пацанят забрался на стул и стянул со стола солёный огурец, за что тут же получил нагоняй от девчушки немногим старше себя:

– Андрей, мама сказала папу ждать!

Андрей добычу, естественно, не вернул, вместо этого зажал огурец в зубах и, шустро подцепив ещё и пару кружочков колбасы, тиканул из комнаты. Тут же сработал закон дурного примера, и к столу полезли ещё два пацана. Девочка упёрла руки в бока:

– Вы что, не поняли? Мама сказала, ничего не трогать! – такая маленькая училка. Может, как раз-таки Ленкина? – Оля, скажи им!

Одна из девчонок постарше, из тех, что хихикали, поглядывая на Алекса, хлопнула в ладоши:

– Илья, Сергей! Ну-ка!

И они тут же сделали вид, что просто проходили мимо. В комнату заглянул Мишка:

– Отец едет!

Тут же поднялась суета – уносились игрушки, заправлялось покрывало на диване, возвращались обратно к столу стулья... Просто поразительно, насколько всё было слажено. А ведь всего два слова и никаких указаний к действию! Скорее сигнал.

Я тоже поднялась. Ленкин игнор затянулся уже больше чем на полчаса, и начинал походить на банальный бойкот.

А раз так, не хотелось бы, чтобы наши тёрки помешали их нормальному семейному ужину. Нужно было попробовать поговорить сейчас.

– А мама где? – спросила я Олю.

– С Кирюшей наверное, – пожала она плечами. – Хотите, я вас отведу?

Я кивнула Алексу «сейчас приду» и пошла за девочкой в холл.

– Мама где? – спросила та пробегающего мимо пацана.

– Не знаю! – на ходу крикнул он. – А ты не видела веник? Наро-о-од, кто видел веник? Срочно-о-о!

– Леночка там, – раздался над ухом тихий голос Мариши. – Пойдёмте, я отведу?

Оля тут же исчезла, а Мариша, обойдя вокруг ёлки, заглянула в одну из дверей тут же, в холле:

– Леночка ты здесь? – и потянула меня за собой: – Заходите, не бойтесь.

Я выдохнула и зашла.

Ленка с ребёнком на руках стояла у окна и просто тупо пялилась в него. Глянула на меня мельком и тут же снова отвернулась. Но мне показалось, что глаза её были покрасневшими.

– Вот, я принесла, – сказала мне Мариша, и только сейчас я заметила в её руках альбом для рисования. Заторможено кивнула и взяла его, не спеша открывать.

– Лен, прости. Понимаю, что не должна была так делать.

Просто...

– Да, шутка была дурацкая, – сухо перебила она. – И как тебе только совести хватило? – Голос её тоже изменился, как и фигура. Стал более низким, грудным. И, несмотря на с трудом сдерживаемый гнев, тёплым. – Не понимаю, на что ты вообще рассчитывала?

– Не знаю, Лен. Это... Это так просто не объяснить.

– А не надо объяснять! Это никому не интересно!

Это прозвучало как: «И чего ты вообще припёрлась?» Повисла напряжённая тишина. Я в растерянности машинально открыла в альбом.

– Это ангел, – тут же мурлыкнула Мариша. – Леночкин ангел.

Я посмотрела внимательней и, несмотря на гнетущую атмосферу, не смогла сдержать улыбку. Ленкин ангел оказался таким здоровым мужиком, крепко стоящим на широко расставленных ногах. Нарисовано просто, очень по-детски, но не карандашами и не фломастерами, а акварелью. Цвета полупрозрачные, чистые, отчего казалось, что и мощный ангелище этот – тоже чистый. В нём словно был какой-то внутренний свет. Я перелистнула.

– А это Илюшин ангел...

Девочка с длинными косами и, почему-то, в докторском халате.

– А это Тamarочкин ангел...

Лошадка с крыльями и цветами в длинной воздушной

гриве.

– А это Мишуткин... А это Максимкин... Ксюшин... Антошин...

Весь альбом – ангелы, такие же разные и такие же дружные, как и жильцы этого дома.

– А твой ангел здесь есть? – спросила я, и Мариша с готовностью открыла нужную страницу.

Ну что сказать... Рисунок-то конечно детский, но я не я, если это не Ленка! А иначе, откуда золотая коса и малыш на руках?

– Ты узнала её? – спросила вдруг Ленка. – Маришу узнала?

Я подняла голову от альбома:

– Нет... – глянула на девушку. – А должна?

– Не знаю, – пожала плечами Ленка. – Помнишь девочку-попрошайку, которую я как-то с улицы в технарь притащила? Вот. Это она.

У меня, кажется, челюсть отвисла, я обалдело смотрела на Маришу и не знала, как реагировать.

– Отец же тогда нагрянул неожиданно и поймал меня с поличным. Маришку забрал и увёз куда-то... – и она вдруг замолчала, усмехнулась. – Хотя почему неожиданно, да? Да и зачем я тебе это рассказываю, ты же, наверное, лучше меня знаешь, как дело было...

Болезненная тема возникла так внезапно, что я растерялась, замямлила что-то невнятное, и в это же мгновение рас-

пахнулась дверь:

– Папа приехал! – захлёбываясь восторгом, взвизгнула девчушка лет шести. – Папа-а-а... – и тут же умчалась.

– Лиза! Ли-и-иза! – обеспокоенно крикнула ей вслед Ленка. – Аня!

Из-за косяка показалась девочка-подросток.

– Ань, проследи, чтобы Лизка голая на улицу не выскочила!

– Ага!

– Я тоже послежу? – вопросительно улыбнулась Мариша и, получив согласный кивок от Ленки, ушла.

Мы наконец-то остались одни, не считая маленького Кириюшу, но за всей этой кутерьмой оборвалась нить только что наклонувшегося разговора. А начинать снова... Да Бог его знает, с чего!

– Лен, давай так, – решила я, – я не хочу нагнетать обстановку в твоём доме и тем более выносить сор за пределы этой комнаты. Я понимаю, что ты ждала не меня, а Камилу Трайбер, и поверь, мне есть, что сказать по этому поводу, но время ушло. Увы. У нас была возможность поговорить, но мы её упустили, а теперь... – помолчала, пытаясь разобраться в том, что меня смущает. – Знаешь, когда я ехала сюда, я не ожидала увидеть то, что увидела. У тебя замечательный дом и семья, и я не хотела бы портить вам вечер, как и продолжать любые разговоры на наши личные темы в присутствии твоего мужа. Поэтому просто скажи – мне уехать? Се-

рьёзно, если тебе так невыносимо меня видеть, я уеду, и это совершенно без обид, поверь! Но пожалуйста, давай продолжим диалог хотя бы в сети?

Она усмехнулась:

– А о чём нам с тобой говорить, Люд? И главное – зачем? У меня, как видишь, всё хорошо, у тебя, как я погляжу, тоже. Чего ещё? Или ты думаешь, отсиделась где-то, время выждала, а теперь явилась, и снова подружки? Так нет, Люд! Не снова, и не подружки. И, судя по всему, никогда ими и не были!

– Лен...

– И знаешь, ты была права, когда не назвалась сразу. Потому что если бы я знала что это ты, я не позвала бы тебя в свой дом!

– Папа-а-а-а... – заверещала в холле Лиза, да так звонко, что уши заложило. – Холо-о-о-одный!

И тут же раздалось нарочито басовитое, устрашающее рычание:

– Кто-о-о тут у меня такой тё-ё-ё-пленький...

Отчего девчушка заверещала ещё сильнее:

– Йа-а-а... Папа-а-а...

И через распахнутую дверь я увидела в холле мужчину возле ёлки, а в его вытянутых вперёд руках извивалась, визжа от восторга, Лиза.

– Холо-о-о-одный!

А он страшно рычал и делал вид, что хочет прижать её к

себе. На эту возню уже налетала остальная малышня и шумно нападала со всех сторон, пытаясь урвать хоть капельку экстрима и для себя. Веселье ту же превратилось в кутерьму. Мужчина кое-как пробрался сквозь неё и, сунувшись к нам в комнату, попытался перекрычать визжащую свору:

– Лен, ключи от летнего гаража нужны! От задних ворот!

Он был в припорошенной снегом куртке и в наполовину скинутом капюшоне с облепленной снегом меховой опушкой. Да собственно и лицо его, а именно – окладистая борода и усы тоже были в снежных комьях. Прямо геолог какой-то.

– Папа-а-а холо-о-одный!.. – визжала Лиза.

– И меня, и меня заморозь!.. Моро-о-оз, красный но-о-ос!.. – наперебой орали дети.

– В ящике на входе смотри! – вынужденно повысила голос Лёнка, и Кирюха на её руках, поддавшись общему восторгу, начал весело повизгивать.

– Та-а-ак... На выход! – скомандовал геолог, и деловито волоча повисших на своих ногах детей, развернулся к выходу.

– Стоп, погоди! – спохватилась Ленка. – А летний же изнутри заперт! Это надо через мастерскую идти, открывать!

Мужчина развернулся обратно, немного озадаченный, опустил Лизу на пол, отодрал виснувшего на подоле своей куртки пацанёнка и, шутя, запульнул в него щепотью снега с капюшона.

– Слушай, ну а пошли тогда Мишку что ли, пусть он от-

кроет... – Заметил он, наконец, меня, кивнул мимоходом: – Добрый день. – И снова к Ленке: – А то чё ж я через весь дом одетый попрусь. А нам там ещё цепи сгрузить надо...

И вдруг повернул ко мне голову, сощурился, вглядываясь: то ли пытаюсь вспомнить, где мог видеть раньше, то ли просто не веря своим глазам. А я и сама узнала его только теперь.

– Привет, Лёш... – сказала нейтрально, словно вот только вчера виделись. Хотя, моя бы воля, я бы не хуже Лизы ему на шею кинулась, такой неудержимой радостью меня вдруг обдало! В сотни раз большей, чем когда увидела Ленку. Сердце забилось так часто, и так болезненно-сладко, что аж слегка закружилась голова и разлилась слабость под коленями.

Но ситуация не располагала к объятиям. К тому же, за первой волной почти детского счастья, я вдруг различила вторую – тоскливой зависти. И, черт возьми, ревности! Да! И, кажется, даже поняла, почему так бесилась Ленка, и почему не позвала бы в свой дом, если бы знала заранее, кто я на самом деле. Да я бы и сама не сунулась, если бы тоже знала, что увижу... Как же это, Господи? Я же думала, давно прошло?

– Мам, а дай ключи от машины, я планшет возьму, фотки Антону показать, – смело протиснулся в комнату Алекс, но тут же стушевался под обращёнными на него взглядами Ленки и Лёшки. Опомнился: – Здравствуйте... – и как путёвый протянул Лёшке руку. – Я Алекс.

– Алексей... – ошарашенно ответил тот.

– Не надо, Алекс, – шагнув к выходу и отчаянно унимая дрожь в голосе, попыталась улыбнуться я. – Мы уже уезжаем.

– Но мам...

– В другой раз покажешь.

– Но мам!

– Так, всё, хватит! – командно вмешалась Ленка. – Без ужина никто никуда не едет! Дети-и-и! Быстро мыть руки! – и положила руку Алексу на плечо: – Неси планшет, Алекс. Я тоже хочу посмотреть твои фотки. А потом покажу свои. Думаю, тебе будет очень интересно.

Как бы я хотела уйти! Просто исчезнуть отсюда в один миг, оказаться дома, в Гамбурге и, по-прежнему от случая к случаю томясь в счастливом неведении – а как там, на Родине? – подчиняться рациональному совету Николоса не ворошить прошлое. Но, главное, забыть об этой поездке!

И ведь я не злилась на Ленку с Лёшкой, за что? Не завидовала чёрной завистью, не ненавидела... Просто боялась того, что будет потом. Уже чувствовала промозглое дыхание сплина – изо дня в день, за месяцем месяц, год, другой... Просто потому, что мне даже нечего было противопоставить этой тоске. Нечем, несмотря на кажущееся благополучие собственной семьи, заполнить обнажившиеся вдруг пустоты.

Ребёнок от Ника?... Да, Господи, прости, но я ведь не хочу его на самом деле! У меня ведь внутри сжимается всё от

нежелания, когда думаю об этом! И если ещё пять дней назад я находила весомые основания для самообмана, то теперь, вдруг, — пустота.

Что ещё, работа? Да, как средство отвлечься здесь и сейчас — очень даже неплохо. Общение с учениками, креатив в реализации творческих проектов, само творчество, в конце концов, — это то, что я очень и очень люблю! Но когда по окончании рабочего дня не хочется ехать домой, потому что там... А что там? Идеальный порядок, показательный уют, видимое спокойствие. Достаток. Стабильность. Разве плохо? Нет. Но когда Ник в своём кабинете, я у себя в мастерской, а Алекс в своей комнате... Мы вроде и вместе, но каждый сам по себе, и наш дом кажется нежилым, как музей образцовой семьи, в котором роли счастливых домохозяек играют бездушные восковые куклы. И если ещё пару дней назад я могла назвать тысячу и одну причину, почему одиночество лучше коллектива, то сейчас, вдруг, снова пустота.

И вот в эту-то пустоту и самообман, в которых отныне не будет даже тёплого огонька «интересно, а как там, на Родине?», мне предстоит вернуться теперь, после того, как я увидела эталон живого счастья. И всё что я могу противопоставить грядущей тоске, это моя безмерная благодарность Нику. Буду напоминать себе о ней снова и снова, возводить в Абсолют и молиться на неё, как на святыню. И со временем, конечно, воспоминания о поездке сотрутся, пройдет и очарование Ленкиной семьёй, в конце-то концов, пятнадцать

детей – это далеко не мой идеал... Вообще не мой, если прямо честно. Вот только и благодарность к Нику – увы, не любовь.

Вот и спрашивается, зачем мне погружаться в этот контраст ещё глубже? Не разумнее ли просто уехать прямо сейчас?

Но я по-прежнему сидела за замечательным семейным столом в доме, полном живого уюта и шумного счастья, и пыталась успокоиться. И, несмотря на то, что и хотела бы уехать... Не могла себя заставить.

Старшие девочки шустро подавали на стол, Ленка руководила процессом, а сама всё поглядывала на моего Алекса и грызла губу. Конечно, она признала в нём свою кровь! О чём тут говорить, сходство с Денисом было поразительное, и если бы она обратила внимание на Алекса сразу, как только мы приехали, возможно, и общение бы наше пошло в ином ключе. Наверное, Ленка тоже понимала это, а потому казалась растерянной, словно не знала, как быть дальше. Иногда она бросала вороватый взгляд на меня, а потом за мою спину, на проход, в который вот-вот должен был войти Лёшка, и на её бледных скулах цвели взбудораженные малиновые пятна.

В этом напряжении прошло всего каких-то минут семь, хотя показалось – вечность, когда входная дверь хлопнула так, что на ёлке в холле зазвенели игрушки, и сразу же раздался безумный ор, просто конец света какой-то:

– Сестру-у-уха, твою мать... Ёпта-а-а...

Я испуганно, как и большинство детей, обернулась к двери, но не успела ничего увидеть – меня просто сорвало с места, смяло в холодных, заснеженных ручищах, поддёрнуло вверх и закружило на месте. И всё это под всё тот же дикий ор:

– Сеструха-а-а... Ёпта, я говорил – ещё увидимся?! А я говори-и-ил! – орал, хохотал, душил в объятиях.

Не выдержав накала страстей, заревел маленький Кирюха.

– Макс, хватит орать! – тут же прикрикнула Ленка, и меня наконец-то вернули на пол, тряхнули за плечи, заглядывая в лицо:

– Людка! Ну ты чего, сеструха, не узнала что ли?!

И я увидела красную обветренную морду, на половину неё – распахнутый в безумном счастливом хохоте рот и узнала. Узнала!

– Макс! Макс!!!

И да простят меня Ленка, Лёшка и все вместе взятые, но я повисла у него на шее, запищала от восторга:

– Макс!

– Сеструха!

– Братан!

– Сестру-у-уха!

– Пап, ты бы хоть куртку снял! – раздалось вдруг откуда-то снизу тонким, но очень деловым тоном. – Ты весь в снеге, тётя об тебя заболает!

Я машинально расцепила объятия, обернулась. Это та девчушка, что гоняла пацанов, когда они пытались воровать со стола колбасу. Макс присел перед ней на корточки:

– Ксюха, ты знаешь кто это? Это сестра папкина! – и вдруг, упершись локтем в колено, в порыве эмоций прикрыл лицо ладонью, мотнул головой: – Сеструха, блядь... Бля-я-ядь... Это мандец какой-то...

– Макс... – вполголоса одёрнул его стоящий в проходе Лёшка. Он был уже без куртки и на руках его сидела Лиза. – Фильтруй базар, дети кругом.

И Макс поднялся, обвёл всю сидящую за столом детвору взглядом:

– Ну что, банда, знаете, кто это? – притянул меня к себе, стиснул за плечи. – Это сестра папкина, понятно? Тётя Люда!

Глава 13

И вот, позади пятнадцать лет тоски, метаний и мыслей о том, как это будет, и будет ли вообще. О том кто жив, кого перемололо ещё тогда, возможно, даже, раньше меня. Диалоги с самой собой, подготовленные самые-самые важные вопросы и аккуратные, правдоподобные ответы... А в итоге – сидим, молчим, как будто всего лишь в прошлом году расстались.

Нет, ну не все молчат, конечно. Макс, например, не умолкает ни на минуту. Но всё не то и не о том: о грузёном топливными пеллетами КамАЗе, что сломался на спуске в балку. О том, как удачно взял минувшим летом практически нового «Кировца» и как вовремя, несмотря даже на то, что метель по прогнозу не ожидалась, дал указание навесить на него ковш-отвал, для уборки снега. И теперь, вот, пригодилось! Ведь, не расчищай сейчас трактор Чернышковские дороги, и селó замело бы к чертям, и КамАЗ куковал бы в балке, пока соляра не замёрзла. Да ещё и Лёха вовремя подъехал, помог – вообще удачно!..

За какие-то полчаса Макс шумно, с жестами и крепким словцом, сокращённым, правда, до условных «бн» и «нах», успел рассказать, что то производство, мимо которого мы с Алексом проезжали – «АгроБиоЭкол» – это, оказывается, ещё одно детище четы Машковых. И даже больше то-

го – «градообразующее» предприятие, давшее возможность загибающимся Чернышкам не то, что подняться из грязи, а расцвести и расшириться за счёт приезжих семей, желающих жить и работать в селе. Основанное на базе развалившейся в девяностые птицефабрики, оно специализируется на производстве биоудобрения из птичьего помёта и топливных гранул – пеллетов из камыша, торфа и древесного опила. И удобрение, и топливо пользуется огромным спросом не только у российских фермеров и аграриев, но и в Европе, а с удобрением они сейчас вообще выходят аж на Эмираты. В этом направлении есть очень перспективные предложения, предполагаемые объёмы поставок кружат в районе сотен тысяч тонн продукта в одной партии... А вышли эти арабы на производство «АгроБиоЭкол» через Гонконг, куда по спецзаказу формуются топливные брикеты особой формулы, замешанные, поимо камышовой стружки и торфа ещё и на каменноугольном крошечке...

У меня голова шла кругом. Всё то, о чём говорил Макс, было для меня тёмным лесом, но я искренне радовалась тому, что дела Машковых идут в гору.

И да, кстати, оказалось, что Макс взял Ленкину фамилию. Хотелось спросить почему, но казалось, не к месту. Ещё хотелось расспросить про их семейный детский дом, и про то, как они вообще оказались вместе, после той глобальной ссоры... Да и про Лёшку узнать хотелось – он-то как вообще затесался в их компанию? И как у него дела, чем занимается,

как живёт. И про личную жизнь, конечно... Но Макс галдел без умолка, и, сказать по правде, так было даже лучше. Поэтому что когда он выходил курить, в комнате повисала вымученная тишина. И особенно это стало заметно, когда де-творца, поев, убежала в комнаты, а за ними ретировались и ребята-подростки, включая Алекса.

Да, самая острая, волнующая каждого из оставшихся взрослых тема, так или иначе, была связана с Денисом и от этого никуда не деться. Ленка была напряжена. И если до эпичного появления Макса я машинально скинула это на ревность к «мужу» Лёшке, то сейчас стало понятно, что нет... Просто она, похоже, так и не простила. Именно меня. И это было с одной стороны странно, а с другой, я чувствовала примерно тоже, но со своей колокольни – непонятное чувство вины, не дающее общаться свободно. Между мной и Ленкой словно стояла старая, поросшая мхом стена, и вместо того, чтобы искать в ней проход, мы только насторожено подглядывали друг за другом в щёлку.

Конечно, Макс расспрашивал и обо мне, но очень аккуратно, в ореоле последних пяти-десяти лет. Я отвечала, что замужем. Несколько раз, специально для Ленки, подчеркнула, что фамилия моя – действительно Трайбер... Рассказала немного о жизни в Германии, о том, где и кем работаю. А ещё, где и как учится Алекс, чем увлекается. А вот о его рождении и происхождении умолчала, хотя было ясно, что все и так всё понимали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.